

СЕГОДНЯ В НОМЕРЕ

Оформление журнала - Святополк

Редакционная коллегия журнала приглашает авторов к сотрудничеству

- Принимаем на рассмотрение прозаические и поэтические работы любого объема с их дальнейшей публикацией на страницах журнала «Чешская Звезда».
- Осуществляем публикацию и помощь в реализации книг на территории Чешской Республики и Евросоюза.

Телефон редакции: **+420 353 223 292**

Электронные почты:

nick@czechskazvezda.net

czechskazvezda@seznam.cz

Адрес для почтовых отправлений:

Vítězná 37/58, Karlovy Vary, Drahovice 360 01 Česká republika

Адрес редакции:

Horova 2017/12, č. k. 219, Karlovy Vary, 360 01 Česká republika

По вопросам размещения рекламы обращаться по телефону: **+420 353 223 292**
или по электронной почте: skleneny.mustek@seznam.cz

Окончание повести, начало в номерах 31-35

7

Рассказова смолкла и принялась тихонечко прихлёбывать чай со второй половинкой конфеты.

Семён сидел ошарашенный. До сего момента он считал все эти истории про Адама и Еву лишь некими легендами, не имеющими столь прикладного значения ни для людей вообще, ни для него самого лично.

А выходило, что он носил в себе такую многотысячелетнюю глубину повреждения, о которой и помыслить не мог. А раз он о ней не задумывался, не принимал её в расчёт, то и не мог делать на неё поправки в своих действиях и суждениях.

Жил как приёмный, бедный родственник на этом свете, не подзревая о богатом своём родстве с теми, кто давно знал об этом и накопил богатые лекарства против живущего внутри него могучего повреждения. И все эти мальчишки и девчонки, парни и девушки, да и их несчастные родители тоже – такие же заложники носимого в себе нарушения!

«Значит, Бог и был первым Наставником для людей. Потому и мы теперь нуждаемся в Нём».

Мысли его, как снежный, несущийся с вершины горы ком, обретая невообразимые для Семёна размеры, сметали на своём пути все старые представления о жизни с их непрыстыми человеческими отношениями и со множеством отложенных до поры вопросов, что ждали своего часа на неких внутренних полочках – всё сметал этот выросший до гигантских размеров комочек полученной им из глубины веков частички ведения.

Из внутреннего созерцания его вывела Рассказова.

– Семён, знаете что, выберите-ка Вы время, и езжайте к о. Иоанну, в Омск. Благодатное место. И развеетесь и пользу для себя обретёте. А сейчас, простите, мне уже пора собираться. Скоро поезд.

Рассказова встала, вырвала из своей записной книжки листочек и написала на нём адрес и телефон отца Иоанна.

– Вот, возьмите. Он иногда уезжает в Москву, поэтому перед выездом справьтесь, будет ли он на месте.

Как в тумане выходил Семён из гостиницы. Много белых пятен оставил после себя пронёсшийся снежный мысленный ком в его прежних представлениях о жизни. Выходило, что и он сам, и его начальник и сама Рассказова, да все! – но, главное... дети! – тоже были заложниками тех далёких событий, что мешают теперь правильно определить жизненные ориентиры, жить правильно!

«Так как же злиться на них можно, если и в них, и во мне одна и та же зараза живет?! Нужно просто быть внимательнее, терпимее друг ко другу, помогать каждому преодолеть в себе эту внутреннюю слепоту, тогда всем легче будет...» – так размышлял Семён и не находил в себе больше того мучительного чувства неопределённости, от которого столько страдал в последние полгода. Да и больше, наверное.

В последнее полугодие оно просто обострилось, чувствуя, наверное, что скоро ему придёт конец. Как же хорошо Семёну стало без этого гнетущего чувства неопределённости!

И Катю теперь он понимал. Катя права, во всём права! И, кажется, для Семёна теперь не остается настолько пустым звуком такое, казалось, привычное понятие, как Любовь. Конечно, он пока её не чувствовал так, как Катя, но он знал, где и через что

сможет её найти. Старые свои представления он будто бы потерял, он даже не помнил их.

Словно в снежном облаке после бури разглядывал он новую, открывавшуюся перед ним сторону жизни. Семёну предстояло войти в это благодатное облако, слиться с ним или выпустить в себя – он точно пока не знал как, да и неважно это было! – главное войти, чтобы остаться с ним навсегда.

...Они настали, эти долгожданные, наполненные спасительностью мгновения, – пахнущие хвоей и молодой зеленью – в тихой и теплой весенней ночи, с бездонным звездным небом, манящим высотой и недоступностью.

И вдруг – вспыхнули огоньки. Это широко распахнулись церковные двери. Мои прихожане, бережно прикрывая ладонями трепетные свечные язычки, двинулись вокруг небольшого, с немалым трудом строящегося храма Сретения Господня. В руках хоругви, иконы.

А наверху, тоже в еще не полностью возведенной колокольне, звонили – женщина и мужчина – слаженно и ритмично. И величаво плыл над селом праздничный благовест. И вплетаясь в его звонкий, ликующий, радостно-стройный мотив – мощно и дивно звучало:

– Воскресение Твое Христе Спасе, Ангели поют на небесах, и нас на земли сподоби, чистым сердцем, Тебе славити.

К отцу Иоанну Семён обязательно поедет, и в другие святые места. Он жаждал теперь восполнить, раскрасить новыми цветами те белые, образовавшиеся в нём пятна. Да он и сейчас уже был рад им! «Всё лучше, чем заиндевевшая серость прежних дней с их остающимися без ответов вопросами, с уходящей от него Катей, с прячущими от него свой взгляд детьми и, главное, с какой-то безысходностью внутри себя, с которой, вроде, знаешь, как жить, а радости настоящей всё время недостаёт...»

Оставим на время Семёна и его Катю, которая, я в этом уверен, обязательно к нему вернётся. Оставим и детей на вечерке с их наставниками и музыкальными руководителями. И Настю с её коллективом тоже оставим, хотя и с наибольшим из всех сожалением – расставаться с такими людьми не хочется! На этом и закончим этот рассказ.

Эпилог

Отрадно моему сердцу, что растут новые приходы, строятся храмы, увеличивается количество воскресных школ. И пусть далеко не везде работа в них поставлена очень хорошо: не хватает профессионалов, грамотных педагогов и других специалистов, но работа ведётся. Во многом люди заново учатся строить жизнь своими руками. С основания. С Богом.

Учатся быть ответственными за все уровни дела, которым занимаются. Чтобы ни на кого не кивать: «Это – ваши проблемы», стараясь ограничиться только вверенным ему участком работы. Люди учатся чувствовать общность, собранность при решении поставленных задач. А это невозможно без помощи Божией, без души, без молитвы за общее дело.

Сказывается общая неподготовленность к жизни в современных условиях разгула греха. Многие из получивших советское воспитание никак не могут поверить, что обман может быть столь огромен. Всё ещё пытаются надеяться, что кто-то позаботится о них, подскажет, как нужно жить, оградит от негативных сторон жизни, укротит разгул безнравственности и насилия.

И следствием этой растерянности является отношение к жиз-

ни нового поколения, самое безобидное из которых: «Мне никто ничего не сделал ни плохого, ни хорошего». Они уже привыкли жить без нас, с тем, что есть, тоскуя иногда по героям ушедшего времени. И, зачастую, без Бога.

Российская провинция тяжело живёт, кто-то спивается, многие еле-еле выживают. Но подавляющее большинство народа всё-таки, пусть медленно, но меняет ситуацию к лучшему, сохраняя или обретая веру, укрепляясь таинствами и молитвой, становясь хозяевами на богохранимой своей земле в столь непростых условиях, попущенных Богом для нашего же укрепления.

И молитва народная – великая сила! Она спасительна, и если будет ещё больше увеличиваться и крепнуть, – будет и Господь не оставлять нас, являя через чудо Свою помощь.

Как бы нам не было печально, горько и тяжело, но только вера, добрые дела и взаимопомощь спасут каждого из нас. В этом – будущее России.

Яркий экран. Долго устраиваюсь в кресле. В голове рой мыслей. Как же их оформить правильно?

Пустая страница, но в то же время и не пустая. Картинка в голове четкая, сюжет продуман, вперед!

Черт, кофе!

Сажусь обратно за стол, ставлю чашку с дымящимся, сладким напитком. Мысли в голове стали чуть более размытыми. Концентрируюсь. Вспоминаю героев, их внешность, поступки, проникаюсь. Ловлю момент и вступаю, в квартире тишина, только клацает клавиатура, этот звук наполняет меня изнутри, дарит спокойствие. Я знаю, что делаю. Я люблю то, что делаю. Осознание этого факта делает меня сильнее, я не смотрю по сторонам, не думаю, как было у других, есть только я и то, что у меня.

Я Творец. У меня целые миры в подчинении, и я их выпускаю в мир реальный. Я хочу делиться. Я хочу донести себя до людей сквозь слова. Для меня это важно. Думаю, что это того стоит.

Темнота. Дрожь под ногами, дрожь в ногах. Меня сковывает страх. Где-то там гул сотни тысяч голосов, который перерастает во что-то необъятное.

Закрываю глаза, молюсь, как могу, чтобы все прошло как надо. Пора.

Первые минуты самые страшные. Подхожу в полной темноте к микрофону, в ушах все так же гудит, кто-то кричит восторженно, от волнения не могу разобрать, что именно. Надо привыкнуть. Первые аккорды, началось. С музыкой страх отступает, распутывается невидимый, но осязаемый узел в животе. Я люблю это чувство, чистый адреналин.

Я живу этим. После этого города будет еще много других, непохожих друг на друга. Бессонные ночи. Алкоголь. Женщины. Вспышки. Интервью.

Это непередаваемо – стоять на сцене этого города, в чужой стране, и быть под прицелом сотен тысяч пар глаз, непередаваемо, когда они подхватывают твою песню, когда поднимают руки в такт музыки, когда зажигают огни, и ты тонешь в этой всепоглощающей любви, в этой осязаемой энергетике, которую передает тебе зал, под музыку, которую написал сам, под слова, которые стоили нескольких недель заточения в студии. Это того стоило.

Ранний подъем. Быстрый завтрак. Долгая дорога на работу. Зима. Угрюмое настроение, огромное желание поспать. Откры-

А момент преображения души каждого из нас будет! Я вижу это неоднократно на примере своих прихожан, – он обязательно состоится со временем, во всей своей духовной полноте, главное, чтобы мы сами изменились к лучшему, и нашли сердцем Бога, ведь Господь никого не оставит, Он даже намерение целует...

И чем больше станет приходских общин, домов милосердия при соборах, храмах городских, да и скромных церквей сельских, и, следовательно, светоносных, горячих молитв православных людей, тем сильнее это преображённое сознание будет содержать Россию.

И – ни войны, ни экономические трудности, ни эпидемии её, Россию, не растопчут, не унесут в небытие, и не разорвут на девятьсот девяносто девять едва заметных, слабых, мелких, но так называемых «государств».

ваю окно, ловлю ртом морозный воздух, проносимый со свистом мимо меня, в меня, в самый мозг.

Паркуюсь у небольшого здания. Вокруг суета, родители ведут за ручку огромные рюкзаки, на которых болтаются маленькие первоклашки.

Здороваясь, улыбаюсь. Настроение улучшается, когда видишь детей, когда видишь, как занимается новый день.

Тишина. Включаю свет в классе. Дребезжание ламп. Пишу на доске, сверяю, читаю план.

Все хорошо. Входят они. По одному, по двое. Смотрю на них, радуюсь их счастью, их беспечности. Звонок. Урок. Я люблю свое дело, потому что я люблю их, таких разных, потому что они настоящие. Они делятся со мной своими чувствами. Это точно того стоит.

Я неподвижна. Стою на полке перед столом. Я изящна. Я – чья-то фантазия, набросок, а затем и фигурка. Я олицетворяю любовь и счастье. Меня подарила мама дочери. Я присматриваю за всеми в комнате, вижу слезы и смех. На меня садится пыль, вытирают не так часто, как хотелось бы. Но я стою в самом центре. Порой, смотрят сквозь меня, а иногда и задерживают взгляд. Любуются. Я вызываю воспоминания, очень хорошие, раз мне улыбаются. Я стою того.

Когда я не здесь, я мечтаю о том, чтобы оказаться тут. Это место, где тепло. Здесь ждут. Здесь любят. Место, где срываешься иногда. Место, где все ненавидишь порой. Некоторым оно кажется клеткой, а для некоторых – это единственное место, где свободен от всего. Я хочу, чтобы сюда приходили те, кого я люблю. Здесь засыпается сладко и встается нелегко. Здесь светло. Я пеку, чтобы для любимых пахло домом, чтобы сюда хотелось возвращаться. Это легко – быть частью дома, его душой. И это того стоит.

Спокойствие. Умиротворение. Вселенная замирает. Нет безвыходных ситуаций. Все потому, что Он рядом. Я Его мысли слышу, когда Он молчит. Смеемся до колик в животе. Дурачимся. Все делаем вместе. Интересуемся мнением друг друга. Держимся за руки крепко. Спорим. Не слушаем других. Не отпускаем. Подбадриваем. Верим. Утешаем. Мечтаем. Делаем. Не представляю себя Без. Мы – это лучше, чем просто мое Я. Любовь того стоит.

Картинки стираются из памяти, стираются временем, от некоторых остались уже только подписи, другие пока лишь тускнеют...

Картинка первая

Ты бреешься, смешно гримасничая...

Я стою на пороге в ванную комнату, опираясь о дверной косяк, и смотрю – то на тебя, то на твоё отражение в зеркале. Твои губы вытягиваются в трубочку, уползают в сторону. Ты очень стараешься, скребёшь свои щёки и шею то так, то этак. Перфекционизм – твой бич. Щетина густая, жёсткая, а кожа – чувствительная и нежная почти по-женски, и это – тоже твой бич. Из-за этого ты и бреешься не каждый день, я помню...

Ничего привлекательного и тем более красивого в твоих гримасах объективно нет, но я субъективна, мне нравится, и ты это знаешь. Иногда мы встречаемся в зеркале глазами. Мне немного совестно вот так стоять и пялиться на тебя: должно быть, это не очень приятно – бриться под пристальным наблюдением. Но я не ухожу, я хочу запомнить эти мгновения навсегда, как будто знаю, что больше такого никогда не увижу. Я уже забыла название твоего крема для бритья и туалетной воды... Как жаль... Я хотела бы помнить и это.

Картинка вторая

Давным-давно...

Мы идём по пыльной тропинке к тебе на дачу. Жара страшная – кто жил на Дальнем Востоке, тот поймёт. Даже комары попрыгались. Твой мудрый отец, понимая ситуацию, дал тебе не слишком нужное поручение: отвезти на дачу ведро краски. За счастье остаться в дачном домике на пару часов вдвоём надо платить. И ты платишь, тащишь тяжёлое ведро. Тонкая дужка впивается в пальцы. Время от времени ты останавливаешься сменить руку и подставляешь мне мокрый лоб. Я вытираю его большим носовым платком и целую тебя.

Во всяком случае, мне так представляется. Этот эпизод из нашей юности я знаю только с твоих слов. Ты его помнишь, а я забыла... Обидно до чёртиков – эпизод красивый.

Картинка третья

...На теплоходе подняли трап. Ты сидишь на корме, покачиваешь ногой и улыбаешься мне своей странной улыбкой. Я стою на берегу, а ты уплываешь. Тогда я ещё не знаю, что ты будешь уплывать от меня всю жизнь. Я не ухожу долго, пока могу видеть тебя. По-моему, ты должен был остаться.

...Два часа назад мы плыли вместе на этом же теплоходе. Не одни, некоторым одноклассникам тоже надо было вернуться домой. Тебе было не нужно, ты просто провожал меня. Позади была наша первая ночь, вполне целомудренная, впрочем – ничего, кроме не слишком ловких объятий и не слишком умелых поцелуев. Счастливая была ночь. Их ведь будет у нас совсем немного, пожалуй, не наберётся и десятка. Но в то летнее утро мы были уверены: это – начало бесконечного.

Всю дорогу в город ты проспал. Я бы предпочла, чтобы ты бодрствовал – несмотря на бессонную ночь, сна у меня не было ни в одном глазу. Но ты сразу примостил свою голову мне на

колени и заснул. Ты так дёргался во сне, что мне казалось, упадёшь со скамейки. Помню, что мне было немного неловко перед одноклассниками – так откровенно ты расположился у меня на коленях. Сидеть было неудобно, я боялась пошевелиться и придерживала тебя рукой, чтоб не свалился. И всё же я была готова сидеть так вечно, но... теплоход подошёл к песчаному берегу, и спустился трап.

Картинка четвёртая

...Классная вечеринка у меня дома. Квартира большая, трёхкомнатная, родители понимающие – ушли с братом в гости к бабке с дедом до позднего вечера. Ты танцуешь с другой. Ты ещё и понятия не имеешь, что творится в моём сердце. Наш первый танец будет на выпускном, но до него ещё несколько месяцев.

Ты целуешь свою партнёршу в шею – и не раз, и не два, а я смотрю из-за плеча своего партнёра по танцу и не верю, что это правда. Настроение – хуже некуда, но я – хозяйка, с вечеринки мне не уйти, и я стараюсь вести себя, как обычно. Никто о моей влюблённости не знает, кроме, как водится, лучшей подруги, но та увлечена мальчиками, музыкой, собой и твоего "преступления" не замечает.

Тогда я ещё не знала, что это испытание – не последнее, что на следующей вечеринке – опять же у меня дома – я увижу тебя с другой одноклассницей. Ни мало не скрываясь, ты расположишься в обнимку с ней на моей же кровати, а меня попросишь принести вам попить. И я принесу. А когда все разойдётся, я обнаружу, что ты забыл свой пиджак – какая удача! – в моей комнате, на моём стуле. И я буду держать его в руках, прижимать к лицу и вдыхать твой запах. И начну плакать, но хорошо, что не успею расплакаться как следует, потому что раздастся звонок в дверь, и я, конечно, догадаюсь, что это – ты, вытру слёзы (как удобно, когда на лице нет косметики!), поспешу в тёмную прихожую, специально не включу свет, открою дверь и протяну тебе свою драгоценность.

Наверняка ты тогда улыбнулся и сказал спасибо – ты всегда был хорошо воспитан, – но этого я не помню.

Вернувшиеся родители и брат застанут меня в совершенно расквашенном состоянии, и на вопрос "Что случилось?" я отвечу "ничего".

Картинка пятая

...Солнечное осеннее утро. Я шагаю вперёд-назад, кружу у места условленной встречи. До неё ещё четверть часа. Почему-то мне казалось, что ты тоже придёшь заранее, но тебя всё нет и нет.

Я волнуюсь до болей в животе – только этого не хватало! Я стараюсь думать о чём-то постороннем, разглядываю витрины, не очень понимая, что вижу, в основном оцениваю своё в них отражение. В пятый раз достаю карманное зеркальце, смотрю, всё ли в порядке. Я высматриваю мужчину в тёмном – уж не знаю, почему, – и когда вижу тебя, то в первое мгновение не узнаю – ты в светлых брюках и такой же ветровке. И голова – неожиданно светлая, мне казалось, ты потемнее. Ты заметил, что я тебя не сразу узнала, ты ещё попеняешь мне за это – шутя. Мы улыбаемся друг другу навстречу, и когда сблизимся вплотную, ты говоришь: "Ну, здравствуй, дорогая", – и наклоняешься к моим губам.

Он был кузеном моей школьной подруги. Старшим. Лет на шесть или восемь – в период, когда девочки только переходили в возраст выпускных школьниц, эта разница была критической – он был для нас не только старшим, но и просто старым. К подруге он относился как к младшей сестрёнке, мне изредка перепало его братски-отцовское внимание, остальные наши девчонки были для него просто мелюзгой. Правда, эта мелюзга, попадая в зону его нахождения, начинала активно тренировать намечавшиеся бёдра активным вихлянием. Другого – ни вреда, ни пользы от него девчонкам не было – он нас мелко видел. Дело в том, что Стас – так звали кузена моей подруги – считался красавцем писанным и сводил с ума всех девочек, девушек и дамочек на несколько кварталов, а может, и районов, города.

Стас обладал ростом повыше среднего, пропорционально был сложен во всех местах, имел возможность демонстрировать неплохой вкус к одежде. Характер общения имел лёгкий, хоть и с налётом высокомеринки и оттенком самолюбования. Сам он не только знал, что хорош собой, но и активно поддерживал о себе подобное мнение. А также образ сердцееда. Что было совсем не трудно просто за счёт красивой и необычной головы. В то время, когда образцом приличного поведения и внешнего облика мужчины считались бобрики и гладко выбритые лица, Стас позволил себе ещё на школьной скамье отрастить черные кудри на два пальца ниже ушей, а за лето после выпускного, углубившись куда-то на шабашку со взрослыми мужиками, он сумел отрастить усы и бороду, которые в городе быстро привёл в порядок у модного куафёра, и уже в таком облике предстал перед знавшим его ранее обществом. Общество, по крайней мере, женская его часть, тут же забыло все, что думало ранее о подростке-выпускнике, и стало провожать томными взглядами и вздохами молодого щеголеватого красавца. Армия Стасу почему-то не грозила, но взводами поклонниц он командовал лихо. К тому же он был "мальчиком из хорошей семьи" – с ним было интересно обсуждать многие темы, не всегда имевшие легальное одобрение социума, но активно витавшие на кухнях наших квартир. В общем, Стас был мечтой девушек и их мамаш.

Впрочем, надо отдать ему должное – он не покалечил ни одной девичьей судьбы. Умело закручивая всё новые романы, он оставлял своих воздыхательниц легко, без обид и иных последствий. И этому было единственное объяснение – он сам не был счастлив и был безнадежно влюблён. Со школьной скамьи. В барышню из параллельного класса. За ней он поступил в институт, возможно, совершенно ему не нужный, под её окнами он трепетно перебирал гитарные струны (петь не умел), ходил на неинтересные ему мероприятия, вроде лекций в обществе русско-вьетнамской дружбы. И только к ней не знал, как подойти ближе.

О, эта девушка служила для нас с подругой источником нескончаемых обсуждений! Подруга любила кузена, я любила подругу, и мы вместе жалели Стаса и не любили его эту любовь. Маринка (кстати, она требовала от нас обращения к себе "тётя Марина"...) была в школе высокой и нескладной блёклой девицей. С лицом селёдки, которое называла сама правильным овалом, огромными водянистыми глазами ("цвета утренней речной воды" – хи-хи), крупным носом ("римский профиль") ну и прочими сомнительными красотами, которые ей самой, да пожалуй что Стасу, и были только очевидны. Характер у неё также был какой-то блёклый, неживой, что ли. "Спокойный и с достоинством" – в её пояснениях.

Прошло пять институтских лет. Стас, душа компании, всё также вял в присутствии Марины. Она, после диплома, стала "выходить с ним в свет". Естественно – больше ей за эти годы ни с кем не удалось – саркастически резюмировали мы с подругой. Стас неожиданно поступил в аспирантуру, начал преподавать, заведовал лабораторией и приступил к каким-то новым разработкам. Мы, чистые гуманитарии с подругой, даже не пытались вникнуть в суть его занятий. Нам было достаточно ехидно помнить, что этот технический ВУЗ выбрала когда-то "тётя Марина" – там конкурс был меньше. Сама она далее продолжать образование не стала ("не тянула" – в нашей интерпретации), устроилась преподавать что-то физическое в приличный техникум и года за три шагнула вверх по карьерной лестнице до завуча. Поговаривали, что с собой она принесла в техникум холодок и отчуждённость, ненужную порой строгость и отношения "по ранжиру". И серо-коричневый стиль одежды, который сама называла "сдержанно-деловым".

Спустя ещё года три, то есть лет через восемь-девять после окончания школы, Марина согласилась стать женой Стаса. А что? Он оставался сероглазым черноволосым красавцем, преподавателем набиравшего обороты ВУЗа, любимцем студенток и кафедральных дам, учёным с крепнущим молодым именем – в общем, перспективным мужем. Других перспективных, да и вообще никаких (это наше с подругой мнение) претендентов на роль её мужа замечено не было. Нет, мы конечно были рады за Стаса. Тем более, что уже сами вступили во взрослую жизнь, а подруга и вовсе засобиралась в свой первый ранний брак.

Бедный Стас! Оказалось, его надо было пожалеть. Заранее. Мы не могли наблюдать, как там проходил первый год их совместной жизни – Стас переехал к Марине (до этого жил в одном подъезде с подругой). На ситцевую свадьбу Марина потребовала от мужа подарок – сбрить усы и бороду... И он, красавец-мужчина, подчинился! Её мотивы были нам очевидны – "бледная селёдка тётя Марина" не могла терпеть возле себя мужчину, по-прежнему привлекавшего взоры окружающих дам и с удовольствием оказывавшего им допустимое для себя внимание.

Мы с подругой уже не помнили, каким был Стас в школьные годы. И мы его не узнали, когда через несколько месяцев после первой годовщины своей столь трудно доставшейся ему семейной жизни он вернулся в родительскую квартиру – Марина дала ему отставку. Он вернулся поплёкшим, неинтересным, как оказалось, с узким селёдочьим, как у бывшей жены, лицом, мелким скошенным подбородком и длинным горбатым носом... интересность его внешности осталась вместе с волосами на полу парикмахерской! Марине такой страшноватенький мужчина оказался не нужен. Она расхохоталась, тряхнув химическими кудрями, глядя на бывшего "первого парня на деревне". Пару месяцев активно помыкала им, не имевшим ни желаний, ни способности сопротивляться, как будто лёгкость и покладистость характера ушла вместе с его мужской красотой. Потом она подала на развод.

Спустя пару лет Марина неожиданно стала считаться "женщиной с внешностью модели". Это совпало с модой на селёдку, в смысле – костистые 70-50-70 и покачивание на ветру. Серо-коричневость одежды вдруг стала модным течением "кэжуал". Она успешно начала появляться в каких-то "леди-бизнес" тусовках, и кажется, нашла ещё одного перспективного мужа. Стас вновь оброс. Нашёл стилиста, качественно поработавшего над его обликом, вернул себе известность красавца и сердцееда и стал вести

весьма активную личную жизнь, долгие годы не связывая себя никакими серьёзными обязательствами.

Недавно я встретила его на юбилее у подруги. Солидный сидящий, по-прежнему красавец... он привёл с собой жену – совсем невзрачную маленькую серенькую мышку, правда большую интеллектуалку и умницу. Единственным её недостатком был обо-

жающий взгляд на мужа и полный ступор в его непосредственной близости. Он же поведал нам, что она отличная заботливая хозяйка, мать двух малолетних деток, он её не любит, но никогда ей не причинит зла. И не уйдёт. И не сбрит бороду. Ему просто нужна семья.

В одной из сказочных стран жили-были король с королевой. Однажды Король со своей свитой улетел на самолете с дружеским визитом в соседнюю страну, а королева осталась во дворце. Она должна была скоро родить, Король очень ждал наследника. Они были уже не слишком молоды, и вот впервые бог им даровал такое счастье.

Но Королева в ночь родила не наследника, а наследницу-девочку – и очень расстроилась. Муж рассердился. И женщина обратилась с горячей молитвой к небесам, просила Богородицу как-нибудь поправить дело.

И в ответ на ее просьбу во дворце появился человек с корзиной. Это был Рыбак, который обычно поставлял на королевскую кухню свежую рыбу. На этот раз в его корзинке были не дары реки. Там мирно спал младенец.

Никто из челяди ничего подозрительного в посещении человека Воды не заподозрил. Королева нередко беседовала с рыбаком об улове и высказывала свои пожелания. На этот раз поставщик сказал королеве:

– Моя жена умерла сегодня ночью в родах. Я долго плакал и молился, и голос моей ненаглядной велел мне принести ребенка к вам. Я выполняю ее завет. Я нес дитя мое дорогое сюда, и мне казалось, что меня сопровождает сама Богородица и ее фрейлина Фея Реки. Что ж теперь делать, мне и не вырастить мальчика одному, без дорогой моей жены. Пусть он будет другом вашему новорожденному сыночку.

– Он будет братом моей дочери, – прошептала едва живая королева. – Соболезную вашему горю. И спасибо. Поверьте, вы будете щедро вознаграждены.

Наутро королевские глашатаи на площадях всех городков страны провозгласили, что королева родила двойню: принца и принцессу. Утренние газеты вышли с огромными фотографиями королевы с двумя младенцами на руках. Подробное сообщение по электронной почте было отправлено и Королю. Он обрадовался и поспешил домой с богатыми подарками для своей любимой Королевы.

Время шло. Принц и принцесса подрастали. Матушка-королева все чаще останавливала внимательный взгляд на брате с сестрой, когда они гуляли по парку или сидели рядом за компьютером, фортепиано или уроками. Она видела то, чего не замечал вечно занятой Король. Что между принцем и принцессой медленно разгорается настоящая любовь. И это беспокоило Королеву. Ведь такие браки в их государстве запрещены законом.

Король же видел совсем другое. Он стал замечать, что сына все больше тянет к себе Река. Мальчик мог часами сидеть с удочкой на берегу. Чтобы отвлечь его от этого занятия простолудинов, отец все чаще устраивал королевские охоты. Но принц не очень

любил это развлечение. Ему было жаль молодых оленей. А, может быть, он предчувствовал, что охота принесет ему когда-нибудь беду. Однажды в пылу погони он упал с лошади. Потерял сознание. Его перенесли в королевские палаты, но он так и не пришел в себя. Отчаянию родителей и сестренки не было предела. Отец стал созывать лекарей со всего мира. Но никто не мог вернуть сознание юному и прекрасному Принцу.

Наконец, отец потерял терпение и сказал дочери:

– Видно, пора выдавать тебя замуж. Я должен кому-то передавать королевство. Мы с матерью уже состарились. А твой брат лежит без движения. И сколько еще лет он так пролежит! А время уходит... И твоя молодость тоже.

Однако и Королева и Принцесса отвергли даже мысль о какой-то возможной свадьбе, когда брат так болен. Продолжали приглашать лекарей.

И однажды во Дворец пришла женщина в голубых одеждах. Ее светлые длинные распущенные волосы были аккуратно повязаны шарфиком цвета морской волны. Врачевательница позвала в комнату, где лежал Принц, его сестру и сказала:

– Поцелуй его, милочка.

Когда принцесса склонилась над лицом больного, фея – это и была сама Фея Реки, взмахнула стеклянной палочкой. Тотчас Принц открыл глаза.

– Как долго я спал, – удивленно произнес он и обнял сестру.

– Кто вы и как вам удалось разбудить моего сына? – спросил Король незнакомку.

– Я хранительница Реки и помогаю всем рыбакам, – ответила Фея.

– Но мой сын Принц! – вскричал Король. Однако феи уже и след простыл.

Тогда разгневанный Король устроил жене допрос с пристрастием.

– Да! – призналась она, – прости, Фея права. Наш мальчик – на самом деле сын Рыбака. Ты так ждал наследника! Я же родила девочку. А у Рыбака в ту ночь жена умерла в родах. Сам Бог послал нам их сыночка.

Недолго гневался Король. Он любил своих близких, и вскоре простил жену, которая так долго скрывала правду. Супруги решили своим королевским указом в порядке исключения разрешить сестре и брату пожениться. И никто не осмелился осуждать их решение. Вся страна пела и веселилась, и на свадьбу сына был приглашен и старый Рыбак. Он тихо сидел в сторонке, и глаза его были полны слез. А Фея, невидимо для всех, стояла за спиной молодых и осыпала их лилиями, дарила им счастье на долгие годы.

Продолжение, начало в номере 35

Часть 2

III

Плавание длилось несколько дней. Сначала Амалия была от него в восторге – с удовольствием вдыхала морской воздух, ловила брызги и радостно смеялась. Но вскоре она заскучала – от удивительно однообразного пейзажа за бортом, когда вокруг не видно ничего, кроме бескрайнего моря, и жизнь как будто остановилась, и только паром мирно качается на волнах.

Однажды утром пассажиры были разбужены криками "Кит! Кит! Смотрите, кит!". Амалия выскочила из каюты, чтобы присоединиться к тем, кто уже стоял на палубе.

Зрелище было потрясающим: из воды показалось тёмное туловище кита, а потом широкий хвост, который с громким хлопком величественно ударил по поверхности моря. Так повторилось ещё два раза. Потом кит уплыл.

– Вот это да! – восхищались пассажиры.

И, надо отметить, это было единственным выдающимся событием за всё время плавания. В остальном ничего больше не происходило, и команда и пассажиры успешно добрались до места назначения – холодной южной страны, которая встретила их ливнем и порывистым ветром.

IV

Первые два дня после прибытия труппа странствующего театра провела в небольшой портовой гостинице. Большую часть времени Амалия проводила, как обычно, за шитьём. Несколько раз она прошлась по гостинице, спускалась в общий зал послушать игру местного пианиста – высокого мужчины с суровым лицом. Он так играл на пианино, что дрожали стекла; пот с него лился ручьями; как правило, его выступления длились недолго. Он играл два-три произведения, кланялся и покидал зал под громкие аплодисменты.

В гостинице путешественники отведали блюда местной кухни, которая показалась им необычной. Здесь подавали разнообразные морепродукты, сладкие супы из фруктов, а в качестве закуски джем из сельдерея и свеклы. Мяса и выпечки практически не было.

На третий день господин Ф. сделал объявление:

– Нам пора начинать свои выступления! Первое из них назначаем... например, на завтра.

Все в труппе и так были готовы. Они только ещё раз проверили костюмы и отрепетировали свои роли. И вот с утра актеры выехали на центральную площадь портового городка; двое из них в шутовских нарядах принялись созывать народ. Люди заинтересовались и стали собираться вокруг небольшой сцены.

Сыграли пьесу о рыбаке, который поймал золотую рыбку, исполнявшую желания. Она имела успех у местных зрителей. Вдохновлённые этим, актеры с нетерпением ждали следующего выступления. Наутро фургончик странствующего театра отправился дальше, а к вечеру достиг большого города. Его огни издали манили путешественников. Такого города Амалия не только не видела – даже представить себе не могла, что такие есть на свете. По широким ярко освещённым улицам ездили блестящие автомобили – красные, синие, зелёные, чёрные. Амалия обратила внимание на большое количество ресторанов и кафе, а также кро-

шечных магазинчиков со всякой всячиной.

На следующий день актеры, как обычно, расположились на площади, намереваясь начать своё выступление, и внезапно обнаружили, что они не одни – в нескольких метрах от них готовили сцену актёры из другой труппы. А на другом конце площади устроились уличные музыканты.

– Ну и ну, – присвистнул господин Ф.. – Неожиданно получилось.

Тем не менее, актеры его театра начали играть свою пьесу. Народу на площади было много. Люди передвигались по всей площади, постоянных зрителей ни у кого из выступающих не было. При этом друг другу они не мешали, хотя труппе господина Ф. было непривычно играть в таком окружении.

– Новые места – новые условия, – заметил тем же вечером хозяин театра. – Надо принимать это во внимание.

– И как нам быть? – спросил один из актёров.

– Просто продолжать выступление.

– Не обращая внимания на других?..

– Ни малейшего.

Было решено провести ещё одно выступление, прежде чем двинуться дальше. А потом снова начался ливень, который продлился три дня. Как только он закончился, труппа странствующего театра снялась с места и продолжила своё путешествие.

V

Уже целую неделю фургон странствующего театра ехал по пустыне, где по обеим сторонам неровной дороги высились песчаные холмы. Запасы еды и воды подходили к концу, когда вдаль показалась продуктовая лавка. Там удалось закупить продукты и заодно побеседовать с добродушным пареньком, который стоял за кассой.

– Ближайший городок в нескольких часах езды отсюда, – сказал он. – А ещё вам стоит посетить яблочную плантацию – она находится на островке посреди озера, а озеро тут неподалёку. На его берегу растёт настоящий лес из папоротников. В общем, красивое такое местечко. – И он широко улыбнулся.

– Благодарю Вас, – кивнул ему господин Ф.. А потом обратился к супруге: – Как насчёт того, чтобы заехать на плантацию?

– Я была бы рада, – ответила госпожа Ф.. – Думаю, что эта идея понравится всем!

– Замечательно!

Они сообщили об этом членам труппы, и те также поддержали идею побывать на плантации. Оказавшись в городе, сплошь застроенном маленькими домишками, перед каждым из которых были садики с цветами, актеры вновь начали своё представление. На этот раз они были единственными выступающими. Публика приняла их благосклонно. Вечером, ужиная в гостинице, хозяин театра выяснил, как доехать до яблочной плантации, и на рассвете фургон уже был в дороге.

Вскоре кто-то из актёров воскликнул:

– Смотрите, сколько здесь папоротников!

Действительно, они въезжали в заросли папоротника, сквозь которые проходила дорога. И вот они уже на берегу озера, посреди которого расположен остров. Заехать на него можно было по узкому мосту. Перебравшись на остров, путешественники увидели жилой дом, а за ним – яблочное поле.

– Как вы думаете, хозяева будут нам рады? – тихо спросила Амалия.

– В любом случае мы приехали, чтобы осмотреть плантацию, – со смехом сказала госпожа Ф.. – Не думаю, что они будут сильно против.

В ту же минуту из дома вышла высокая дама средних лет в цветастом платье – судя по всему, хозяйка плантации. Её длинные светлые волосы были собраны в замысловатый узел на затылке. Она приветливо улыбнулась гостям и сказала:

– Рада вас видеть. К нам часто заезжают, чтобы полюбоваться прекрасными яблонями. Сейчас, увы, не совсем их сезон. Как чудно вы выглядите! – воскликнула она, с любопытством глядя на актёров в костюмах.

– Мы с супругой – хозяйка странствующего театра, – представился господин Ф.. – Мы путешествуем по всему миру и даём представления в городах и сёлах. В этой стране мы не были ещё ни разу, и нам посоветовали посетить яблочную плантацию, поэтому мы здесь.

– Как интересно! Меня зовут Алиса, я живу тут со своим супругом Бенедиктом. А вот и он!

К ним подошёл светловолосый мужчина; его синие глаза внимательно разглядывали путешественников через стекла очков. Он протянул руку господину Ф., и тот крепко пожал её. Между ними тут же завязался разговор – о театре, о путешествиях и, наконец, о той стране, в которой они находились.

– Приглашаю вас выпить чаю и немного подкрепиться, а потом можем пройти по плантации, – сказал Бенедикт.

Гости с удовольствием приняли приглашение и вошли в дом. Он состоял из крошечной кухни и уютной гостиной, в которой стоял обеденный стол; на втором этаже была хозяйская спальня. Стены во всех комнатах были разных цветов: зеленого, синего, алого. Алиса накрыла стол кружевной салфеткой и достала красивые чашки и тарелки. Она подогрела воду в большом старинном чайнике, достала из буфета пирог. А Бенедикт и господин Ф. вели беседу, потягивая красное вино. Актеры чинно расселись вокруг стола. Госпожа Ф. присоединилась к ним, а Амалия читала корешки книг, стоявших в ряд на низенькой полке. Она обернулась к Алисе, чтобы попросить разрешения полистать одну из книг; взгляд её упал на пирог, который разрешила хозяйка, и в этот момент у неё в сознании промелькнула картинка – воспоминание о таком же пироге, который она видела давным-давно, когда жила дома. Амалия на секунду прикрыла глаза и усмехнулась про себя; пирог как пирог. Но почему он здесь, где, кстати, едят только сладкий суп, моллюсков и рыбу, а выглядит так же, как тот, домашний?

Она размышляла об этом во время чаепития. Запах пирога показался ей знакомым. Может быть, спросить у хозяев, откуда у них его рецепт? Амалия не решилась.

Бенедикт предложил путешественникам прогуляться. Они сразу рассредоточились по плантации, не чувствуя себя скованными – настолько радушными оказались их хозяева. Члены труппы бегали среди яблонь, как дети, и тут же затеяли игру. Амалия на время забыла о пироге. Она носилась по плантации вместе со всеми. Господин и госпожа Ф. пытались призвать их к порядку, но Алиса и Бенедикт не возражали против весёлой игры.

Нагулявшись вдоволь, хозяева и их гости вернулись в дом, снова выпили чаю, а потом актеры сыграли небольшую пьесу, после чего засобирались обратно, к своему фургону. Бенедикт предложил им прийти и на следующий день. За это время он успел подружиться с господином Ф. и хотел узнать побольше об истории и путешествиях театра, а заодно рассказать о себе.

VI

Вечером следующего дня Бенедикт, Алиса и супруги Ф. с Амалией собрались за столом в гостиной. На этот раз подали типичный для этих мест фруктовый суп.

– Мы путешествуем со своим театром около двадцати лет, – рассказывал хозяин театра. – До этого я работал в одном городском театре, где и встретил свою будущую жену. Долго выступали вместе. А когда накопили денег, то решили основать свой собственный театр, пусть маленький, зато можно все время путешествовать. Только надо было найти единомышленников. Сначала

к нам присоединились двое актёров, потом мастер сцены. Со временем в труппу пришли ещё несколько актёров и актрис. И другие работники. Так мы и путешествуем. Вот недавно мы стали родителями для Амалии. – Он положил руку на плечо девушки. – Она жила в приюте, а теперь ездит с нами. И, кстати, шьёт костюмы для выступлений.

– То есть вы живёте только тем, что даёте представления? – уточнил Бенедикт.

– Да, – ответила госпожа Ф.. – Из вырученных денег мы оплачиваем работу членов труппы и покупаем все необходимое.

– Да, нам приходится экономить, зато мы занимаемся тем, что нам действительно нравится, – улыбнулся её супруг.

– А что планируете делать дальше? – поинтересовалась Алиса.

– Мы продолжим путешествие по вашей прекрасной стране, а потом наш театр закончит свою деятельность, и наша маленькая семья поселится в собственном доме.

– Это прекрасно, что вы решили принять в свою семью Амалию, – с чувством сказал Бенедикт. Алиса кивнула. – Когда-то и у нас была дочь... Нет-нет, с ней вроде бы всё в порядке, – тут же сообщил он. – Собственно, это история о том, как мы оказались здесь. Если вам интересно, мы будем рады поделиться ею.

– Пожалуйста, продолжайте, – сказал господин Ф..

– Около шестнадцати лет назад мы жили в небольшом городке в горах. У нас была маленькая дочь, и жили мы вполне счастливо. Я работал в багетной мастерской – кстати, до сих пор балуюсь этим. Как-то раз мы с Алисой решили прогуляться по горным тропинкам. Мы забрались довольно высоко. Помню, какой чудесный вид открылся нам!

– А внизу был наш городок, – подхватила Алиса.

– Просто дух захватывало! Мы стояли и любовались, не замечая, как быстро пролетело время. Когда мы стали возвращаться, уже почти стемнело. Разумеется, мы заблудились и сорвались со склона.

– Аххх! – всплеснула руками госпожа Ф.. Амалия не верила своим ушам – до чего знакомая история.

– Как видите, мы живы, – радостно улыбнулся Бенедикт.

– Вам повезло, – проговорил господин Ф..

– Так вот откуда у вас рецепт пирога! – внезапно воскликнула Амалия. Все удивлённо посмотрели на неё. – Так вы из города Д.?!

– Именно оттуда!

– Неужели?!

– Да, это так!

– Мои родители пропали во время прогулки в горах!

– Что?! – вскричали хозяева театра. – Может ли такое быть?! Или это совпадение?!

– Но наш город был маленьким, и вряд ли там произошли две одинаковые истории, – сказал Бенедикт.

– Значит, здесь, далеко-далеко от нашего родного дома, мы нашли свою дочь? – прошептала Алиса.

– Ну и дела! – покачала головой госпожа Ф..

– Так тебя зовут Амалия? – обратился к обретенной дочери Бенедикт. – Как красиво звучит! А ведь мы даже не успели дать тебе имя...

– Меня так называли в приюте.

– Давайте обнимемся!!! – воскликнула в конце концов Алиса.

Так все и сделали.

VII

– Как же вам удалось выжить после падения? – спросила Амалия.

– К счастью, там было невысоко. И внизу была мягкая трава, – ответила Алиса. – Мы отделались ушибами.

– И встретили крестьянина с женой, который жил там неподалёку, – продолжил Бенедикт. – Нас вдохновил их образ жизни, и мы решили заняться земледелием. Для этого мы стали ездить по разным странам – конечно, мы не посетили столько мест, сколько труппа странствующего театра. И были уверены, что о нашей дочери позаботятся. Так и получилось.

– Вскоре мы осели здесь и создали эту плантацию, – сказала

Алиса, махнув рукой в сторону окна, откуда открывался вид на ряды яблонь.

Некоторое время хозяева и гости провели в молчании.

Отправляясь в путешествие, Амалия ставила своей целью путешествие ради путешествия. Она представляла, что будет после него. Теперь она пребывала в некотором смутении; спрашивала себя, что же будет дальше? где она будет жить? Пока наиболее вероятным было то, что она поселится вместе с супругами Ф.. Алиса и Бенедикт пока не предлагали ей остаться с ними. Правда, они пригласили свою дочь переночевать в их доме.

Утром, едва проснувшись, Амалия побежала к фургону и рассказала членам труппы о том чуде, которое произошло накануне. Одна из актрис сказала:

– Эта история могла бы лечь в основу пьесы.

– Идея хорошая, – согласился господин Ф..

Было решено, что Амалия продолжит путешествие по этой стране, а потом вернётся на плантацию. Сделав запасы яблок, супруги Ф. с приемной дочерью и актёрами отправились в путь.

VIII

Два дня фургон снова ехал по пустыне, а на третий день выехал к посёлку, где по обеим сторонам дороги стояли аккуратные домики. На скамейках перед ними сидели люди в очень яркой одежде. Фургон остановился у обочины, господин Ф. вышел из него и поздоровался с ними.

– Театр? В наших краях никто ни разу не давал никаких представлений, – сказала одна старушка. – А это интересно?

– Мы постараемся сделать так, чтобы вам понравилось, – заверил её хозяин театра.

К этому выступлению все готовились с особой тщательностью. Актёры одели самые лучшие костюмы. Мастера установили сцену большего, чем обычно, размера, чтобы разместить там как можно больше декораций. Что-то витало в воздухе, что заставляло всю труппу так стараться.

Вечером вокруг сцены зажгли многочисленные светильники. Собрались зрители. Началось представление.

Красиво танцевали пары пастушков и пастушек, весело шутили комические актёры, гибкие акробаты кружились в воздухе. По всей сцене летали конфетти и золотые ленты. В один момент из-за кулис выкатились большие воздушные шары; они плавно проплыли по сцене и скатились прямо к зрителям, словно приглашая их принять участие в разворачивающемся действии. И дети, и взрослые тут же начали подбрасывать шары и передавать друг другу. Тем временем вступил фокусник; им оказался не кто иной, как господин Ф.. Он ловко жонглировал фарфоровыми чашечками, появлявшимися из рукавов его фрака; доставал из шляпы букеты цветов, чем очень насмешил детей; наконец, начал отбивать чечётку, и из-под его каблучков посыпались золотые звездочки. Потом все, кто был на сцене, прыгнули вместе и поклонились зрителям, которые неистово аплодировали.

– Спасибо, всем спасибо!!! – воскликнул господин Ф..

Амалия наблюдала за этим из-за кулис. Когда оно закончилось, у неё появилось такое же чувство, как и тогда, когда она впервые пришла на представление – что сказка тает. От этого стало немного грустно, хотелось, чтобы танцы и фокусы продолжались. Видимо, те же чувства испытывали и зрители, и сами актёры.

На следующий день несколько жителей посёлка пригласили всю труппу совершить небольшой поход – они хотели показать здешние красивые места, пока актёры не уехали. Сначала путешественники вышли к небольшой речке; идя вдоль неё, они прошли мимо поля, на котором мирно паслись грациозные лошади, мимо зарослей папоротника и вышли к морю, в которое и впа-

дала речка. Под их ногами лежал белоснежный песок. Тут и там возвышались серые валуны, на которых сидели морские птицы.

– Правильно ли я понимаю, – проговорил господин Ф., – что мы пересекли всю страну?

– Да, это край нашей земли.

– То есть вчера было последнее выступление? – Этот вопрос был обращён к актёрам.

– Получается, что да, – тихо ответили они.

– И... и это всё?

Госпожа Ф. кивнула и взяла супруга за руку. Амалия вглядывалась в горизонт; ей не верилось, что на этом странствия театра заканчиваются. Она жалела, что не встретила труппу раньше. Тут она вспомнила про найденных родителей. Как всё интересно сложилось!

IX

Пришла пора прощаться. Но сначала фургон странствующего театра вернулся на яблочную плантацию.

– И что же – театр прекращает своё существование? – спросил Бенедикт, узнав, что актёры провели своё последнее выступление.

– Да, совершенно верно, – вздохнул господин Ф.. – Все мы разъедемся кто куда.

– И вы с супругой? – неожиданно взволнованно спросила Алиса. – И Амалия тоже?

– Мы – да. А как решит Амалия, я, конечно, не могу сказать.

– Мы тут подумали, – начал Бенедикт, – что, может быть, вы могли бы поселиться на плантации? Здесь достаточно места для еще одного дома. Что скажете? Конечно, я понимаю, что вам нужно поразмышлять над этим.

Супруги Ф. переглянулись. Заговорила госпожа Ф.:

– Не думаю, что мы будем размышлять слишком долго. У нас пока нет постоянного жилья – кроме фургона.

– И у нас нет родственников, к которым мы могли бы вернуться, – добавил господин Ф.. – Поэтому ваше предложение очень заманчиво.

– И мне не придётся оставлять никого из вас, – сказала Амалия. Ей было очень радостно, что дело приняло такой оборот, и она не будет стоять перед выбором между родной и приёмной семьёй.

Было грустно прощаться с актёрами и другими театральными работниками. Они обещали частенько навещать плантацию. Но сначала им предстояло как-то устроиться и найти себе занятия.

Амалия, супруги Ф., Бенедикт и Алиса провожали их в порт. Они долго махали вслед, а потом вернулись на плантацию. Начинаясь стройка нового дома. Он получился просторным; в комнатах было много света.

– То, что нужно, – сказал довольный господин Ф..

В первый вечер новоселья хозяева нового дома, их гости – на этот раз Бенедикт и Алиса – и Амалия собрались в большой гостиной. На столе стояли блюда с грушевым супом, яблочным пирогом и жареной рыбой. Из стоявшего на полке патефона звучала весёлая мелодия. Господин Ф. показывал свои чудесные фокусы, а его благодарные зрители хлопали в ладоши и восклицали: "Ещё! Ещё!".

За окном уже стемнело; от лёгкого ветерка тихо покачивались ветви яблонь и шелестели листья папоротника.

– Вот такая получилась история, – улыбнулась Амалия Ф..

Она слегка поклонилась гостям. Они разобрали её книги и выстроились в очередь за автографами.

О боже, что это за чудо! Она идёт с задумчивой улыбкой на лице, той самой летящей походкой, о которой поёт известный певец советской эпохи. Я бы ещё сказал, что её глаза – это океан, в котором растворилось небо, они завораживают и сочетаются с небольшой и милой родинкой, как будто бы специально прикрепленной на чуть полноватой верхней губке.

Да уж, попался! Я не смог оторваться от этой стремительно несущейся куда-то девичьей красоты. А мои вдруг ставшие очень послушными в этот миг ноги невольно двигаются за ней. Потому что они уже без меня решили не отставать от этого природного естества, которым бывает богат женский мир, созданный для того, чтоб им, как и ярким весенним цветком, любовались люди. Её стройная фигура завершала совершенство и в моём сердце рождалось светлое чувство безбрежной любви, на костре которой я уже был готов сгореть, как жертвенный агнец.

Я замечал, что на неё так же, как и я, заглядывались другие прохожие, останавливаясь и даже уступая ей дорогу, чтобы видеть её хотя бы со стороны изящной спинки, которую облегает светлая кофточка с короткими рукавами, и на ней, как по летнему полю, пробежали мелкие незабудки. И когда я понял, что отныне она принадлежит не только мне, но и всему миру, по крайней мере мне так казалось, я начал ревновать, понимая, как это глупо! Вот так увидеть и сразу захотеть её, поистине небесную красоту, купающуюся в жарких лучах ослепительного солнца.

Я, забыв куда, собственно говоря, должен был идти, шёл

следом за таинственной незнакомкой, преследуя её как маньяк. И очень боялся, что не дай Бог она сейчас обернётся и испугается, увидев гамму чувств, разыгравшуюся на моём разгорячённом от быстрой ходьбы и яростной любви лице. И тогда случится так, что я её больше уже никогда не увижу. Она скажет: "Не приставайте ко мне, мужчина..." И что я отвечу ей в ответ, кроме дежурного слова, «Простите!»?

А я всего-навсего мечтал, очень хотел хотя бы объясниться в любви, в любви с первого взгляда, воспетой поэтами, и я поверил, что она действительно есть – любовь с первого взгляда.

И это... случилось. Она вдруг остановилась, повернулась ко мне и – Боже мой! – спросила:

- Мужчина, а вы бы не могли...
- Что? – с ужасом пролепетал я...
- Что с вами?
- Да, так...

– Вы не могли бы подсказать мне адрес? Я впервые в вашем городе... Где находится улица Мира?

Конечно же, я знал улицу Мира, хотя бы потому что я на ней жил...

И дальше мы пошли уже вместе, познакомившись и обсуждая, какая сегодня замечательная погода. Потом будет свидание, цветы, кафе... Но это будет потом. А пока же я был совершенно счастлив от того, что вот так, совершенно нечаянно, ко мне пришло ослепительное счастье, и ничего другого мне уже было не надо.

Порядочного человека легко узнать по тому, как неуклюже он делает подлости.

М.Жванецкий

– Иду, иду! Открываю! Что случилось-то? Пожар что ли? Кто там?

– Это я – Вера. Здравствуй! Ужас! Я такое натворила... Как теперь с этим жить? Так стыдно! И как меня угораздило-то дуру!

– Здравствуй! Проходи сразу на кухню. Что случилось?

– Женька, ты мне сначала скажи. Ты же понимаешь, что я это натворила случайно, по невнимательности. Ты ведь меня знаешь: я и ругаться-то не умею до сих пор...

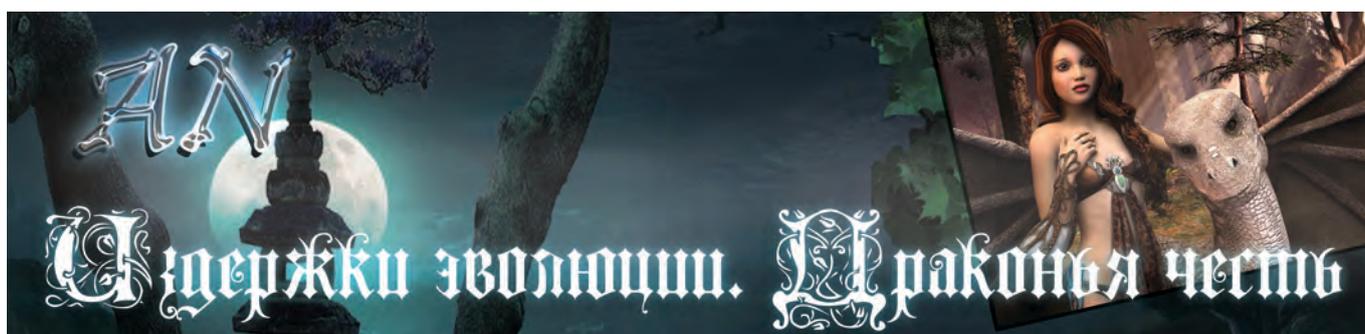
– Да знаю-знаю. Какое ругаться! Ты краснеешь, когда слышишь слово «негодяй»...

– Ну уж! Это, наверно, слишком... Только я – порядочная женщина! Я из интеллигентной семьи... Я не могла бы ТАКОЕ ляпнуть, если бы не эта ситуация... Кошмар! Просто ужас!..

– Вера! Ты скажешь, наконец, что случилось?

– Да-да. Только ты, пожалуйста, не рассказывай никому, ладно? Стыдно-то как! Понимаешь, я задержалась на работе. Аспиранты там что-то напортачили, а мне пришлось разбираться. У нас ведь всегда я – научный секретарь – за всё отвечаю. Когда я на улицу

вышла, уже начинало темнеть. А погода сегодня гадкая: ветер, холодно. Вчера чуть дождик прошёл, а сегодня всё подморозило. Так скользко! Мне приходится по пути к остановке идти вниз по склону. Ну, ты знаешь. Вот иду я, стараюсь не упасть, а впереди мужчина. Балансирует он на ледяной дорожке, а в руке у него в сетке десятка два яйца. Смотрю я на эти яйца и думаю: «Вот ведь как будет жалко этого мужика, если он упадёт». И ведь навязчивая такая мысль: он сейчас упадёт. Я переживаю за него, нервничаю и понимаю, что мне нельзя вообще-то так думать, чтобы не накаркать на него этой бедой. Заставляю себя об этом не думать, а не получается. Тогда я поторопилась и обогнала его. Я уверена была, что для его блага стараясь. И ведь даже получилось на какое-то время прогнать мысли о его падении! Иду я дальше, а минут через пять слышу за спиной хлопок и треск. Упал-таки мужик на скользкой дороге! Я обернулась. Мужчина лежит. Я к нему. Руку протягиваю, чтобы помочь ему встать. Говорю ему: «А яйца-то Ваши целы?» У него глаза на лоб полезли. А я вижу, что тот, у которого яйца в руке, спокойненько продолжает свой путь, и сеточка при нём, цела и невредима. А передо мной совсем другой мужчина лежит с выпученными глазами из-за моего хамства. Представляешь? Я, конечно, извинялась перед ним, но сама понимаешь... Такая дурацкая ситуация! Вот как с этим жить? Так некрасиво получилось! Так стыдно! Так стыдно!

– Но мама...

– Не мамкай! – рыкнула Старая Драконица. – Сам виноват. Слушал бы мать – такого бы не случилось. «Я уже не маленький! Я сам справлюсь! Мама, не лезь», а чуть что не так, сразу «Мама, что делать?». Опозорил нас до двадцать седьмого колена и все, что он может, это «мама!».

– Я не спрашивал, что делать, – парировал Дракон. – Я лишь спросил, что бы ты посоветовала мне сделать в сложившейся ситуации, как более... умудренный жизненным опытом товарищ.

– Вот я сейчас не знаю, что мне обиднее, – пробормотала она, нервно стуча хвостом в опасной близости от вазы эпохи барокко. От тряски ваза наклонялась туда-сюда, как подхваченная девятым валом шхуна, рискуя вот-вот опрокинуться, но раз за разом она восстанавливала своё равновесие. – То, что ты проблему, оскорбляющую наше светлое имя, называешь просто «ситуацией», или то, что ты попытался назвать меня старой.

– Матушка... – протянул Дракон.

– Что «матушка»? – ваза все-таки разлетелась на миллион осколков, а массивные лапы, которые всё же на старости лет встретили варикоз, незаметный под толстой чешуёй, превратили осколки в порошок. Это несильно расстроило хозяина замка: ваза, очевидно, не вписывалась в интерьер гостиной.

Драконица тяжело вздохнула, глядя на ещё уцелевшие черепки? и перевела сочувствующий взгляд на сына, в её глазах стояли материнские слезы жалости (в первую очередь к самой себе). Она выдохнула облачко пара и заговорила немного мягче, всё с той же мягкостью в голосе, которую неопытный слушатель мог бы принять за раскаяние.

– Ну почему ты так не похож на отца? – спросила она. – Был бы ты трехголовым, мы бы не оказались в такой ситуации.

– Мама, при чём тут количество голов? Это дискриминация!

– Ну чем тебе не нравилось грабить фермеров? Они ведь и так тебя боялись. Продолжал бы утаскивать больных коров, как раньше, поголовье скота так можно было улучшать. И тебе польза, и им. Может, через десять лет поклоняться бы начали. Если уж совсем невмоготу: сжёг бы пару деревень! Нет, он захотел принцессу украсть. Лучшее бы ты фермерскую дочку украл. Крестьяне с вилами это не вся королевская конница-вся королевская рать. И чем ты только думал?

– Но всё же оказалось не так страшно, – сказал Дракон, думая, как уберечь остальные предметы интерьера в обставленной им с такой любовью гостиной.

– Действительно! Но ты думаешь, что Король всё равно не попытается вернуть пленницу?

– Поторгуюсь и отдам, не нести же обратно!

– Ни в коем случае! – рыкнула Драконица-мать, подпалив го-белен. – И вот тебе мой совет: меньше, чем за полцарства не отдавай.

Сказав это, она вышла на балкон, единственный во всём королевстве способный выдержать её вес, и расправила крылья. Послышался характерный хруст старых суставов. Взглянув в последний раз на сына и прорывав «позор на мои чешуи» вместо прощания, она взмыла в небо. Дракон вернулся в гостиную и завалился на большой диван, напоминавший огромную красную подушку, изрядно потрепанный от трения о драконью чешую. Дракон огляделся: окна гостиной выходили на запад, и разлившийся в небе закат идеально гармонировал с отделкой комнаты, с цветом обоев с золотистыми узорами, с лиловыми занавесками,

последние лучи солнца играли на вазах и статуэтках.

Дракон вздохнул; к чему эта блажь, называемая роскошью? К чему был этот высеченный в скале замок? Дракон не знал, но привык к нему. Ему нравились интерьеры, напоминавшие собой смесь барокко и сна безумного пьяницы, но одно не могло не расстраивать: это всё досталось ему от кого-то, если точнее – от отца. Великий ящер, державший в страхе все близлежащие королевства, был примером для подражания и застал самый пик Времени Драконов. А потом всё пошло на убыль и многое изменилось. Имущественный вопрос решался просто ужасно, и иной раз казалось, что легче жить в лесу или в горах. Теперь, даже выгнав из замка целую династию потомственных лордов, нельзя было назвать своей собственностью без юридического подтверждения. Переоформить на себя любое имущество драконам не представлялось возможным, во-первых, потому что они не знали, как это делается, во-вторых, потому что людские законы на драконов не рассчитаны, но драконы должны им подчиняться. Сами люди почти что не верили в драконов, предпочитая видеть в них страшилку для детей, чем страшного врага (как это было в прошлом), и вместо войн с драконами предпочли воевать между собой. По-хорошему, драконам стоило бы устраивать демонстрации и требовать признания их прав, но они пошли по пути меньшего сопротивления – переселились в леса и занялись «мелким шарлатанством», жгли деревни и грабили караваны. Дракон сохранил свой замок по счастливой случайности, генеалогическое древо предыдущих жильцов оказалось (якобы) случайно загублено на корню.

И всё же чего-то ему не хватало. В библиотеке отца он случайно наткнулся на книгу сказок и, полистав её, остановился на разделе сказок про драконов и принцесс. Это его не на шутку заинтересовало и, ознакомившись со всем доступным ему материалом, Дракон решил, что ему тоже нужна принцесса. Маленькая деталь во всём огромном замке, которая будет его безраздельно. Приняв это решение, Дракон полетел искать принцессу.

Однако со временем и принцесс меньше стало. В одном королевстве был династический кризис, и каждая вторая девица выдавала себя за принцессу, так что у Дракона глаза разбежались, и он полетел дальше, во втором королевстве произошла революция, установилась республика, а королевскую семью для надежности вырезали. «Ох, не к добру это», – подумал дракон и полетел дальше. Только в третьем королевстве, лежавшем не так далеко от его родных земель, Дракон нашел то, что искал. Спикировав над замком, он на секунду закрыл своими крыльями солнце, а в следующую секунду взмыл вверх, держа в лапах девушку, которую секунду назад король с улыбкой целовал в щеку.

Жизнь Дракона стала немного ярче, освещённая его гордостью за самого себя, вот только вскоре всё вернулось в своё русло. За принцессой никто не приезжал, ни один проезжавший мимо рыцарь не подумывал спасти девушку, хотя Дракон установил на всех ближайших перекрестках знак, указывающий в сторону его жилья, и даже подписал расстояние до него (кстати, неправильно). Принцесса готовила и убиралась, хотя в замке были кое-какие слуги, иногда сама приносила Дракону еду и казалась вполне довольной жизнью. «Неужели ты не хочешь обратно в свой родной замок?» – спросил Дракон, и ответ заставил его челюсть с грохотом опуститься на пол, отчего чуть не выпрыгнули его вставные зубы. «Как я ошибся! Как наказан!» – думал он, собираясь лететь к Королю и договариваться о возврате.

– Неужели Вы ничего не предпримите? – Король подскочил на

месте от неожиданности и обернулся, готовый заголосить «шпион», но крик застрял у него в глотке. Шпионов не было, зато был дракон. Большой темно-синий дракон с отливавшей фиолетовым чешуёй сидел на балконе, свесив хвост. Балкон трещал под его весом, но не сдавал позиций, как примерный солдат. Король сразу понял в чем дело и отложил перо.

– Конечно. Мы уже выплатили компенсацию семье девушки. Она теперь считается пропавшей без вести, так что Вы можете оставить её себе. Вы оказали мне большую услугу, «растерзана драконом» звучит лучше, чем «случайно сгорела заживо».

– Как же так, живой ведь человек? Неужели Вы не сожалеете?

– Ну, сейчас всюду так. О чём сожалеть? Одной наложницей меньше – одной больше. Благо, пока я король, желающие всегда есть, – Монарх весело улыбнулся и сдвинул корону на бок, на мгновение сделавшись больше похожим на ряженого, чем на настоящего правителя.

– Если вы её не заберёте, я сожгу Ваше королевство дотла, – решил угрожать Дракон.

– Исключено, – с улыбкой пропел Король. – Вас привлекут к уголовной ответственности, мой друг. Вы слишком отстали от времени, мне кажется. Летите-ка домой и живите, как жили сто лет назад.

Дракон фыркнул и, на прощание подпалив Королю занавески, полетел обратно в свой замок. По пути он не без грусти размышлял о том, что пророчество начинает сбываться и что вскоре драконам не останется места на этой узурпированной людьми земле. Некоторые его знакомые уже улетали в родные края, как люди искали когда-то Землю Обетованную. Вернувшись в замок, он тоже стал собирать вещи, любовно прощаясь с каждым залом замка, где прошли его лучшие годы. Во время одного прощания, когда глаза Дракона заволокла пелена, дверь в зал открылась. На пороге стояла бывшая любовница короля с подносом в руках. Снова принесла ему еду, поставила на стол и встала у дверей, с любопытством глядя на то, как Дракон будет есть. Хозяин замка оглядел принесенные блюда и нашёл их крайне аппетитными, но сразу есть не стал.

– Я не могу есть, пока ты смотришь, – медленно проговорил он. – Сядь и ешь со мной.

Девушка послушно села справа от Дракона и положила себе немного еды, но есть не стала. Дракон ел, стараясь игнорировать её пылкий взгляд, но в конце концов эта молчаливая попытка показалась ему невыносимой.

– Ну что?! – рыкнул он, устав от игры в гляделки. – Извините, слишком резко вышло...

– Нет, ничего, – сказала она, нервно дернув плечами. – Просто... Зачем Вы меня спасли?

Повисло молчание. В голове Дракона закрутился рой вопросов и он пожалел, что родился лишь с одной головой. Спас? Когда? Да и целесообразен ли этот вопрос спустя несколько недель, которые эта девушка прожила в его замке?

– Вот тебе «на»! – воскликнул Дракон. – Я тебя, между прочим, похитил! Как тебе только в голову пришло, что я тебя спасать мог?

– Не знаю, – пожала плечами девушка, лицо её осветила прекрасная улыбка. – Забрали меня от этого старого... не важно; пока мне выделили, готовить и убираться не заставляют, принцессой называли.

– Но ты ведь всё равно готовишь и убираешься.

– Да, но по своей воле. Это другое. Когда-то я и для Короля добро делала... Наверное..., пока всё не осточертело.

– Так зачем ты так жила? – спросил Дракон, глядя на девушку.

– Сейчас всюду так: полцарства за иллюзию стабильности, полдуши за иллюзию счастья и делить постель непонятно с кем, чтоб не чувствовать одиночества. Мы это называем эволюцией человеческого общества.

– Я бы поспорил, – вздохнул Дракон.

– Просто Вы отстали от времени, – усмехнулась девушка. – И я, наверное, тоже.

Они посидели ещё несколько минут, никто не притронулся к еде. В душе Дракона собрался комок плотно прижавшихся друг к другу чувств, там были и жалость, и сожаление, и какое-то непонятное добродушие, направленное на эту маленькую девушку.

– Что теперь будете делать? – спросила она.

– Перееду, – бросил Дракон, поднимаясь из-за стола. – Замок перепису на тебя, если ты не против.

– Против! Я хочу с Вами! – воскликнула она, так же вскочив со своего места. Дракон замер и смерил её скептическим взглядом, будто говоря «куда тебе с нами, девочка?».

– Оттуда, куда направляются драконы, обратной дороги нет. И людей там нет, – сказал он.

– Ну и пусть! Лучше исчезнуть вместе с драконами, чем пропасть среди людей, – сказала она, гордо вскинув голову. В её глазах горело лихорадочное пламя решительности. «Сколько смелости», – подумал он и начал прикидывать, сколько сможет пролететь без отдыха с пассажиркой на спине. Не закончив своих вычислений, он сказал девушке «лишнего с собой не бери, вылетаем на рассвете» и пошел дальше паковать вещи.

Глубинка страны, особенно далекая и тихая, очень напоминает знакомые с детства добрые фильмы об Аладдине, Старике Хоттабыче, о Ходже Насреддине, русские сказки про мудрого старика-боровичка, о пенсионерах-старушках, обсуждающих разнообразные вопросы, сидя на лавочке возле дома.

Можете поверить, если на одной из неизвестных пустынных улочек кривых улочек таджикского кишлака вам неожиданно встретится выросший неизвестно откуда старичок в старом потертом

ватном халате, в небольшой, едва заметной тибетейке, неторопливо идущий навстречу с кривым посохом, с седой длинной бородой; если он остановится перед вами, сожмет вашу руку своей старческой ладонью, достанет яблоко и протянет вам со словами: "Да будет мир в вашем доме!" - можете верить: вам встретился сам Господь. Он улыбнется, яблоко засияет, заискрится неведомым светом, повернетесь - ан нет старичка. Скушайте яблочко. Удача будет сопутствовать вам, добром заполнится ваше сердце.

Отрывок из романа "Вихреворот сновидений".

...Не заснуть – к чему пытаться!
Она оделась и выскочила на улицу.
Неблагонадежный месяц март, сердцем стремившийся вернуться в зиму.

Неблагонадежная ночь. На неё опрокинулось черное беззвездное небо. В окнах почти нигде не горел свет – редкое окно светило. В отчаянии металось небо на свалившихся небесных подушках и не могло заснуть.

Бездонно-чёрную тишину лишь изредка нарушал безудержный ор мартовских котов и ответный призыв падких до страсти кошек.

...Ночь. Скорый поезд мчится. Скорый поезд Москва-Ленинград. Не собирались никуда еще два часа назад. Вдруг, в первом часу: она - срочно за телефон. Звоним на вокзал! Он выворачивает карманы в поисках денег. Десятка, вот ещё десять, и вот ещё, на всякий случай... пятерка, трешник, плюс какая-то мелочь, о, а вот что-то завалилось, ах да это целый рубль! Вот и у неё красненькая в загашнике имеется. Не-ет, это заначка! До зарплаты... Три минуты на сборы! Покидать в сумку всякую-разную мелочь, поймать на трассе частника - дядя, *быстро, на Ленинградский, за двадцать минут, дядя, ну пожалуйста, ночь ведь, и машин на дорогах нет!* - и трешка в кулаке. Два билета на отходящий, скорей! Влетают в последний вагон, а поезд тронулся! Трясутся в плацкартном вагоне, а утром любимый Ленинград, и можно прошвырнуться по Невскому, и погулять по набережной, и съездить на Финский залив. Целый день гулять, ноги отваливаются! Пусть холодно, пусть промозглый ветер, им не страшен промозглый ветреный питерский октябрь, и дождь, и слякоть – всё нипочем. А потом – на Московский вокзал, ночной поезд, в кармане последние рубли-копейки на билеты, на постельное бельё... В Москву, в Москву!

...Паланга. Ночное море. Лунная дорожка. Ему непременно нужно совершить заплыв. *Ну что ты, ведь совсем светло, луна же светит, не бойся, я мигом! Ну как не искупаться, такая ночь! И вода совсем тёплая!* Нет, он обязательно должен поставить на своем!

Его долго нет, и в темноте ничего не видно, ничего себе светло! Они с дочкой на берегу подпрыгивают от нетерпения и беспокойства. А потом, крича, визжа, поднимая брызги, носятся по кромке

прибоя друг за другом и хохочут – *а ну догони нас! Нет, это мы тебя сейчас догоним и в песке извлекаем. А что так долго в море плавал? И горланят они песни –*

Миллион, миллион, миллион алых роз!

Горько-солёный запах моря. Острый, свежий аромат прибоя и – счастья. Жёлтая люстра луны проливала свет в море и бежала по золотой лунной дорожке к ним навстречу, и лунный свет пенился, закипая в море...

Господи ты Боже мой! Золотая ночь!

Как разгорелись, как вспенились счастливым ярким сиянием звезды в небе. Эта пена - мультиселенная, а пузырек-звезда - одна Вселенная! И катились по небу эти бесконечные пузырьки вселенные!

...Летняя ночь. Тишина. Шепот. Тикают часы. Очень деликатно. Трепет. Руки. Дыхание, слова. Любимые руки. Глаза в глаза. Родные глаза.

Часы шелестят так: тик-так, тик-так. А они плавают. Тают. Тает мир вокруг. Тают снега на полюсах. Вихреворот! Сверхмалая частица. Частица Бога.

Светает. За окном, распахнутым в день, сонно зачирикала птичка. Она живет на дереве, чьи ветви стучат в их окно. Просыпается...

А пойдём соловья слушать?

Соловей живет со своим семейством недалеко от их дома. Соловей в Москве!

Как нежно пел, как страстно заливался соловей на рассвете!

Рождалось на земле утро – теплое, звонкое, весеннее. И была весна в них самих, и были они в самом сердце весны.

Не врёт больше *чувствометр* – как точен прибор!

Какого цвета любовь? Багрово-красного? Нет. Она прозрачная, аквамариновая, быть может, кобальтово-синяя... Как хамелеон.

Как мы слышим любовь? В словах и музыке Памяти Карузо? В страстной Зиме Антонио Вивальди? В торжественной раскатистой арии Торсадора? Болеро Равеля?

Кто знает...

Куда ушла наша Большая Медведица?

Напоминаем, что приобрести книги нашего издательства Вы можете:

- в нашем офисе: Skleněný můstek s.r.o., Horova 12, 219, Karlovy Vary
- в магазине «DINO»: I. P. Pavlova 36, Karlovy Vary

Заказать по почте: Vítězná 37/58, Karlovy Vary 360 01, Česká republika
Приобрести наши книги в интернете можно на следующих ресурсах:

<http://eshop.czpress.cz/> <http://www.litres.ru> <http://svoy.ru/> <http://www.softsalad.ru>

<http://biblioclub.ru> <http://www.martinus.cz/> <http://www.martinus.sk/>

<http://knihy.abz.cz/>

Стюарт Сатклифф

ТАКОЙ СЛАВНЫЙ ИТАЛЬЯШКА

Как вы знаете, в итальянском языке, ежели существительное заканчивается на «О», то это значит – что-то там будет про МУЖИКА, а вот если на «А», то, увы, наверняка говорится о какой-нибудь БАБЕ...

...лет 9 назад я стоял посредине зала прилёта в «Шереметьево» с плакатом, на котором неровным почерком было написано слово FRA. И как это лингвистически не странно, но встретил я итальянского 25-летнего парня, весьма конкретно заинтересованного в моей племяннице М. А надпись оказалась типичным аппенинским сокращением от имени Франческо. Кстати, по его словам, у «макаронников» нет «middle name». Типа, они пользуются только именем и фамилией. Офигеть. Это, как у Джорджа и Ринго. Но у Маккартни-ТО «first name» – Джеймс...

...Первым делом новоприбывший решительно отправился к банкомату, где с достоинством босса мафии, невозмутимо снял с карточки 50 евро, что, по его мнению, должно было с лихвой хватить на всю поездку до Н. Новгорода (билеты на паровоз у нас уже были), да и опосля пары дней разгула в этой, забытой богом стране, должно было кое-что и остаться. У Франческо, в отличие от меня, был весьма не дурной английский, поэтому мне, разговаривавшему ничуть не лучше старого одинокого негра из Бронкса, довольно трудно было что-либо объяснить. Первым из этого списка объяснений было то, что мы, оказывается, не берём такси, а едем до метро на рейсовом автобусе. Последний, видимо, специально выбирали, потому что он был как на заказ – холоднющий, с совершенно заледеневшими окнами (а стоит отметить, что дело было дней за 5 до католического рождества). Посидев на промёрзшем сидении с минуту, наш итальянский мачо стыдливо застегнул куртку до самого верха и достал из сумки шапочку. «Russian bus», – весело подмигнул я ему и указывая застывшим пальцем в небольшой просвет в окне, добавил: «...and walking Russian bears». И то, правда, зачем разрушать милые европейские представления о нашей дикой таёжной столичной действительности...

Прибыв на Ярославский вокзал, мы поняли, что до отправления нашего поезда ещё более 3-х часов. Я предложил Фра смотреть на Арбат. Надо же было хоть что-нибудь в этой холодной Москве, кроме заглядывающих в ночные окна недоверчивых медведей, увидеть что-то запоминающееся. У моего спутника с собой был симпатичный итальянский чемодан на колёсиках, и я предложил сдать его, чтобы не мешал передвигаться, в «камеру хранения». С автоматическими делами, как всегда, были затруднения, и мы спустились вниз, к обычным. Там, в скромных лучах подвального света, мы застали следующую картину. Приёмщик,

лет 60-ти о чём-то ласково спорил с двумя 25-летними парнями. Общение происходило на повышенных тонах со следующим текстом. «Отец. Ты чё-то попутал?! Когда это мы...» На что «батя», соответственно, отвечал: «Ты кому это предъявляешь, сынок!? Я ни хе..а не понял. А?!?!...» Наблюдавший этот, банальный для русского человека разговор, Франческо немного побледнел, и как то резко передумал передавать свой драгоценный груз в руки какого-то пожилого «мафиозо». Минут 5 я на плохом нижегородском английском убеждал доверить чемодан этому, на самом деле, доброму и ответственному дядечке, чтобы свободными ехать на Арбат. В конце концов, после того, как я клятвенно гарантировал ему абсолютную сохранность его движимой собственности, он с величайшим сожалением, сдался. Мы прыгнули в метро и отправились на Проспект Маркса. Вечерний зимний Арбат ничем не впечатлил, и быстренько прошагав, мы завалились в маркет «Седьмой континент». Выйдя из дверей, и не успев пройти с десятком метров, повстречали изрядно подвыпившую девицу, которая, как по заранее обговоренному сценарию, изыщно растянулась на льду прямо перед нами. «Come on, Fra», – скомандовал я, и мы начали установку на ноги этого вялого 20-летнего тела. Я не унимался: «Look, this the best and nice Russian girls. Do you like it?» В ответ Фра пробормотал что-то малопонятное на англо-сицилийском сленге... Приподнятая барышня последовательно окинула каждого из нас мутноватым взглядом и через паузу прочувствованно произнесла: «Сэнкью»...

...в Н.Н. нас встретила англо-итало говорящая племянница М и мы разъехались. На следующий день они вдвоём притащились в гости к бабушке Клаве. Эта не в меру еврейская женщина приготавливала для итальянца симпатичные хохломские дела и прочие пироги. Франческо сначала подарил мне, в благодарность за доставку, 150-граммовый кусок истинной «пармской ветчины» (который я...). А для бабушки он приготовил особенный итальянский сюрприз. Из кожаной сумки он извлёк небольшой холщёвый мешочек, на треть наполненный чем-то шуршащим. С трепетом передав его в руки заинтригованной пожилой женщине, он накидал вдогонку несколько торжественных слов по-итальянски. Внучка тут же перевела. «Фра передаёт тебе, бабушка, мешочек с... (чем?)... с чечевицей. И говорит, что варить её надо...». Мудрая семитская женщина изобразила на опытном лице максимально убедительное подобие радости, и в ответ передала щедрому европейскому парню несколько хохломских изделий...

Куда затем делась эта чечевица, никто не помнит, но то, что европейцы, вроде как, к их радости, несколько отличаются от нас, так это несомненно.... Viva, «Roma». Viva Francesco Rossi...

Ольга Фер

ЧЕМ ПАХНЕТ ТАДЖИКИСТАН

Продолжение. Начало в номерах 34-35

Дороги... в горах... горцы

*"Дорога, дорога, ты помнишь так много
О жизни моей непростой..."*

Потяните ниточку дорог, и клубок серпантин, ущелий, долин и вершин запутает вас в вихре строгой и самобытной природы.

Дороги в горах... Кто-нибудь хоть раз в упоминании Таджикистана да скажет – "дороги там в горах плохие" ("там" – не уточняя). Что это значит в представлении обывателя, который пишет о горной дороге для обывателей, которые читают? Хорошая, значит, ровная, удобная для своей любимой машинки, безопасные ограждения-бортики-парапеты от ущелий и обрывов, асфальтированная, удобная и безопасная для передвижения в любое время года. Многим еще необходимы вдоль дороги во множестве кафе, отельчики, магазинчики и прочие признаки удобств путешествия на автомобиле или на автобусе. В горах, даже таких незначительных, как перевал в Вахшскую долину (незначительных по высоте), это невозможно. Каждый год где-то какие-то дороги обязательно разрушаются природой. Человек тут не властен над природой. А если невозможно сделать "хорошую" дорогу раз и навсегда, если все усилия человека, современной техники природой не принимаются, остается одно – приспособливаться к мобильности горных дорог.

Таджикистан – маленькое (но симпатичное) островное горное государство, поэтому каждый его житель немного горец. А раз он – горец, он хорошо справляется с горными дорогами и тропами. А если справляется с горными дорогами, значит, обычные дороги ему по плечу.

Дороги Таджикистана. Первое впечатление было ярким и запомнившимся навсегда.

С 6 утра кипит дорожная жизнь у аэропорта. Маленькая площадь заполнена автомобилями, яблоку негде упасть. Таксисты, смело лавируя между стоящими в беспорядке машинами, без происшествий выезжают с пассажирами. Принимают сразу в карьер. Руль слушается как сенсорный экран телефона – сразу и правильно. Сразу же нагнетается скорость. Хочется закрыть глаза, спрятаться под сиденье и ничего не слышать. Скорость на небольших, по сравнению с европейскими городами, участках дорог вначале вызывает ужас неминуемого столкновения и гибели. Однако через несколько минут тянет видеть как ему (тому, кто вас везет) удастся быстро и без проблем достигнуть нужного вам пункта, потому что голос возвещает, что проезжаем рынок или обменник. Как так быстро!?

Дороги в городах, как и у нас, пешеходы переходят где и как хотят. И при этом ни один автомобилист, на какой бы скорости он ни ехал, на пешехода не наезжает. Пешеходы и автомобилисты как будто чувствуют друг друга телепатически. Конечно, случается, особенно на въездах/выездах в рынки/базары, что машина не пропустит пешего, тогда из какой-нибудь другой машины (не имеющей никакого отношения к ситуации, но ставшей свидетелем "нарушения") выходит человек, направляется к "нарушителю" и эмоционально ему выговаривает, может и в глаз дать. И ответа не последует, драки не возникнет. А если все же возникает разборка, вся дорога стоит в пробке и не вмешивается и не возмущается, потому что дело правое – пешеход всегда прав, даже, если он не прав.

Выезжая из городов, поселков и кишлаков, автомобили увели-

чивают скорость, все также умело лавируя и на сухой ровной и на скользкой горной дороге. И чувствуешь себя, как это ни парадоксально, в большей безопасности, как если бы машину вел осторожный водитель. Для сравнения, именно оно пришло мне на ум, представьте себя пассажиром легендарного такси из к/ф "Такси".

Платные дороги. Есть в Таджикистане платные дороги. Но их платные дороги отличаются от наших платных. Платные дороги Таджикистана расположены в элитных направлениях – в стороны правительственных дач, санаториев, курортов и к важным, порой, стратегическим объектам. Потому что в этих направлениях важно знать кто, когда, зачем и к кому проехал, когда вернулся, сколько времени оставался в районе объекта.

Дороги в горах. О них отдельная глава. Дороги, дороги... какие же мы выбираем?...

Перевал

Душанбе расположен вблизи гор. По сути, горы в Таджикистане везде и правильнее сказать: "столица затерялась где-то меж гор". Поэтому: "чтобы добраться до Вахшской долины, нам предстоит подняться на горы, проехать по ним и, спуститься в долину прямо к реке Вахш возле города Курган-Тюбе".

Небольшое географическое отступление. К югу от столицы лежит широкая ровная трасса, петляющая и местами напоминающая прыжки зайца меж сопков, вначале покрытая асфальтом, а по мере удаления плавно переходящая в утрамбованную проселочную. Столь разное "покрытие" объясняется не только дороговизной, но и сложностью асфальтирования на высотах. Ведь сама природа мешает, то заливая дождями, то обрушая скалы, создавая сели, смывающие все на своем пути, да и снежные заносы и обледенение в горах бывают.

На пути трассы нашего первого путешествия есть и серпантин, но не очень крутой и длинный, есть и неожиданные повороты и изгибы, есть и прелестные площадки, которые служат либо размещению стратегических, военных объектов; или милицейских блокпостов на выезде из Душанбе перед перевалом, на нем и за ним, на спуске. На милицейских блокпостах могут проверить автомобиль ваш или таксиста, который вас везет, могут спросить документы у пассажиров, могут проверить багажник или груз, который местные жители везут себе домой с рынков и магазинов столицы. Это делается не для "зарабатывания денег" на каких-то несоответствиях или для поиска несуществующих нарушений для выколачивания штрафа, проверки на перевале производятся в целях вашей же безопасности. Перевал Фахробод (название записано на таджикский манер произношения) является стратегическим объектом, безопасность на нем, как и в остальных горах, поддерживать сложно, поэтому внимание на нем всегда повышено.

Вначале зимы на перевале сухо, ветрено, склоны холмов покрыты побуревшей травой, кое-где попадаются луговые цветы не первой свежести. Воздух прозрачный, чистый, прохладный, но не обжигающий горным холодом, не разряжен. Слева по ходу движения сплошные холмы, кое-где валуны непонятной нестойкой породы. Справа на довольно протяженных склонах множество тесно расположенных навесов с крышами, без окон и дверей. Навесы кажутся местами для прохождения молитв работающих пастухами людей. Оказывается совсем простое объяснение – это навесы для пастухов, женщин, собирающих траву, для забредших путников, чтобы спрятаться от жары, от дождя, и в том числе,

чтобы помолиться.

Когда неожиданная дорога перевала делает остановку в виде небольшой площадки прямо возле трассы, взору открываются стихийные рыночки с плодами садов местных горцев. По ассортименту фруктов можно составить карту распространения растений на каждом ярусе перевала. На первой "остановке" вдоль дороги стояли женщины, продавая сушеные плоды, нанизанные на толстые нити, наподобие как мы нанизываем чеснок или грибы. Знакомыми оказались только горные финики и треснувшая от спелости мелкая фисташка. Третьим, купленным нами сувениром, оказались некрупные плоды, в сушеном виде похожие на райские яблочки с желто-коричневой кожицей.

Вода

Таджикистан горная страна, на целых 93 процента. И те, немногие равнинные долинские площади, которые лишены высоких гор и почти лишены возвышенностей до 300 метров над уровнем моря, но богаты реками, озёрами, родниками, оазисами и водохранилищами, зависят от воды во всех отраслях жизни. Хорошо понимаешь, попав сюда, как верно выражение "вода это жизнь". Вода для жизни людей, вода сельскому хозяйству, вода в санатории, вода для флоры и фауны (а какие в Таджикистане уникальные, чудом сохранившиеся, экологически чистые, заповедники!), вода для создания электричества.

Большинство сейчас скажет: "Фи, так у них свет получается от работы ГЭС! Отсталость страшная!" Ошибаетесь. Это от нашей серости (не оговорилась – от НАШЕЙ серости). Не надо далеко ходить. Район озера Байкал – наличие электричества до сих пор зависит от уровня воды в озере, а район зависит от этого электричества.

21 век, открыт мирный атом, что ещё надо? Таджикистан богат ураном, около 20% мировых запасов. Что стоит построить несколько АЭС, чтобы бесперебойно обеспечить маленькую страну электричеством?

Таджикистан – горная страна (помните?). Горные страны, как правило, подвержены землетрясениям. И Таджикистан не исключение – трясёт регулярно и "будь здоров", особенно, на Памире. Трясёт на Памире, а в Душанбе отголоски до 3-4 баллов.

Сергею Гилёву, моему другу

Живя в одной квартире, мы все трое старались устроить свою жизнь так, чтобы всегда ночевать дома, независимо от других отношений. Утро и вечер принадлежали нам, что бы ни происходило днём.

Лиля Брик

Скучающая вахтёрша обходит корпус, заглядывает на кафедру, чтобы намекнуть, что к 22.00 надо бы уже сдать ключи и покинуть помещение. А мы пьём чай, и я слушаю Тома. Он обо всём так увлечённо говорит! Как гулял с друзьями, ходил в магазин, сдавал экзамены. Сегодня Том рассказывает мне о лиганде, сопровождая свой рассказ рисунками в тетрадке. Лиганды являются донорами электронной пары, при их присоединении к центральному атому химические свойства комплексообразователя и самих лигандов часто претерпевают значительные изменения.

Том говорит, что только последовательная связь обеспечивает прочность системы:

– Представь молекулу воды: к атому кислорода присоединяются два атома водорода, но они не соединяются между собой. Если

Землетрясения, сходы лавин и селей, ежегодно уничтожающие деревни и людей и дороги. Какие уж тут АЭС? "Ветряки" тоже не годятся по тем же причинам – не наставишься. Остаётся использовать водные источники, чем страна активно и занимается. При стремительно расширяющихся городах и массивным ежегодным приростом населения (в среднем на 165.000) электроэнергия не поспекает. Как бы освоить горные озёра и реки? Увы.

Вопреки убеждению большинства россиян, Таджикистан богат хорошо оснащёнными культурными, образовательными, научными, административными учреждениями. Особое место занимает уникальное в своём роде место – ГБАО. Как там зависят от воды! Тем не менее, в санаториях, в том числе и высокогорных, на горнолыжных курортах, в отелях городов, в самих городах – круглосуточно есть и свет, и интернет.

Вода природных источников на юге Вахшской долины пресная, с небольшим увеличением примесей минеральных солей. Местные часто набирают и пьют воду прямо из реки и её притоков. Однако, это не совсем безопасно – когда весной и ранним летом тают снега в горах, безопасность воды практически 100%, а в иное время, особенно, жарким летом, в этой воде таится немало болезней. Ведь вода из рек частично отводится по искусственно вырытым арыкам для полива огородов, полей, садов, для питья и мытья домашней скотины, домашних бытовых нужд. После "использования" вода частично по тем же арыкам возвращается в реку. Несмотря на неиспользование на полях химии сырую воду пить не следует. Даже местным районированным жителям. Как раз в летне-осенний период в республике повышается уровень различных желудочно-кишечных заболеваний. Высокое же содержание солей в воде влияет на частое выявление мочекаменной болезни. Также следует отметить, что высокая минерализация не спасает от заболеваний зубом – йода то в воде практически нет. Основное питание рис и пшеница.

Вахшская долина – эндемический по зубу район. Поэтому иностранцу, наиболее чувствительны мы – европейцы, рекомендую брать с собой в багаж кроме левомицетина, йод-актив или йодированную соль.

Впрочем, это не касается санаторных источников, воды в отелях и из артезианских скважин, и конечно, снегов и ледников.

связь возникает между всеми элементами – система разрушается.

– То есть, – рассуждаю я, – все попытки поиска полноценного третьего элемента являются утопичными?

– Да. Может, например, возникнуть борьба за самку.

– А если у элементов нет борьбы за самку?

– То есть они геи? Всё равно.

– Том, значит, ты считаешь, что пол, возраст, сексуальная ориентация не имеют никакого значения, и равноправное соединение трёх элементов неизбежно ведёт к разрушению созданной структуры?

– Да. Именно так. Это химия, физика, социология, психология.

Дома я перечитываю давнюю переписку со своим знакомым:

– Привет, Антон! Могут ли долго и гармонично существовать тройственные союзы? Как ты сам думаешь? Из всего университетского курса социологии я запомнила только то, что любой коллектив из нечётного количества человек рано или поздно распадается. Если в коллективе трое, то кто-то вытесняется, если больше – коллектив распадается на группы с чётным количеством. Или не всё так категорично?

– Это всё теория. Попробуйте, *carpe diem!*

Петр Цыплаков

Законы грамматики

Этот мир — лишь законы грамматики,
Наши души — лишь буквы в нем,
Разобщенные, гибнем мы в статике,
И всегда лишь в слиянии живем.

Буква — это понятие сложное,
Если помнит и знает она
Все вхожденья свои всевозможные
В речи, текстах, молениях, слова...

Каждый хочет из нас что-то личное
В каждом тексте открыто сказать,
Что-то тайное, что-то первичное,
С болью выкрикнув, с Вечным связать.

Это Вечное больше кружения
Наших немощных слов и забот,
Это Тот, Кто волею Спасения
Нас в лучистые Гимны волеет...

1997

Искреннее

Я пред волей Твоей преклоняюсь,
В сердце гаснет все то, что «не Ты»,
Я величьем Твоим проникаюсь,
Осознанием той красоты,
Что вложил Ты в творенье живое
Средь космических бурь и огней.
В сердце ширится чувство простое:
Ты Творец наш, мы волей Твоей
Рождены, и возражаем, и живы,
И проникнуты страстно Тобой,
Как проникнуты вешние нивы
Животворною вешней водой.
Вышней мудростью все наполняя,
Ты, Святой, ото всех отделен,
Солнцем милости вышней сияя,
Тех спасаешь, кто страстно влюблен.
Как же нам эту вышнюю милость
Всю во славу Твою обратить,
Чтоб Твоей мы любовью светились,
И могли Твое Имя святить?..

18.01.2002

Пробуждение

Тихим звоном Вселенная полнится:
Это светлые духи звонят
Нам, заснувшим, и верят: нам вспомнится
Звон тот первый, и Голос, и Взгляд...

... Слово Господа, Слово венчальное
В сотворенных пропело сердцах,
И Вселенной кольцо обручальное
Засияло на Божьих перстах.

Взгляд же Господа, светлый и искренний,
Столь пронзительно радостен был,
Что родил в нас сокрытый, таинственный
Пыл любви, сродный жару светил.

В свете солнц мы доселе купаемся,
Пыл сокрытый доселе храним.
В нем Господь. — Ждет:
проснемся, покаемся
И весь мир для Него возродим!

28 декабря 2005

Певцы Земли

Наша с вами Земля тех певцов родила,
Свою кротость в их души вложила,
Зашумели леса, зазвенели поля
В душах кротких с великою силой.

Эти дети Земли жизнью-песней смогли
Искупить ее боль и проклятье.
Силу боль ту целить — во Христе обрели,
И с тех пор они — в Вечности братья.

Их движенья — легки, а слова — глубоки,
Их касания дух исцеляют.
Их сердца-родники русло жизни-реки
Животворной водой наполняют.

Бог певцов тех Отец, свет сыновних сердец
Он со Светом Своим сочетает,
Этим Светом Любви все, что создал, живит
И к Себе навсегда возвращает.

20 мая 2010

Обретение себя

Эта вечная нить,
Эта вервь бытия,
Как ее ухватить,
Как понять — кто есть «я»?

Может «я» — этот голос,
Звонящий в висках,
Может «я» — этот колос,
Растущий в веках?

Может «я» — этот Свет
В глубине родника,
Где течение лет
Начинает Река?

«Я» — тот Свет и тот Луч,
И та Вервь Звонаря,
Что звонит среди туч,
Радость Лета даря!

Я звоню, собирая
Других звонарей,
Чтобы встретить у рая,
У Вечных Дверей

Лик Того, Кто и нас,
И весь мир сотворил,
Кто от сумрака спас
И сердца оживил!

6 февраля 2016

Петр Николаевич Цыплаков публикуется с 2015 г. На PROZA.RU опубликованы: поэма «Сотворение мира», миниатюры «Единый и Единственный», «Осенний витраж», новеллы «Слово о сокрытом Свете», «Зов Премудрости Божией», «Жертвенность как основополагающий принцип бытия», «Дети Солнца», «Зов Зари», «Еврейская симфония», «Притча о жаждающих», «Исцеление Любовью», «Полет», «Притча об Источнике и садовых», стихотворения «Вечный сад», «Обретение себя», «Грани Первосвета», «Пробуждение», «Прозрение», «Искреннее», «Молитва», «Радикальное братство», «Молитва простодушных», «Ностальгия», «Возвращение к Отцу», «Брату», «Утро», «Певцы Земли», «Сотрадание Христу», «К Закону и ко Христу», «Крещение огнем», «Законы грамматики», «Причастие».

ОЛЬГА КАМАРТО ИЗ ЖИЗНИ АНГЕЛА

Жил-был Ангел. Да так и зовут этого мерина – Ангел. А еще на спине у него рисунок, похожий на крылья.

Когда он приехал на эту конюшню, был он худощивым и явно голым. Все было внове, и он был еще и немного испуганным, а потому – тихим. И он медленно привыкал к тому, что еды достаточно, есть отдельный денник. Когда им занимались, чистили, кормили, разговаривали, он даже что-то отвечал.

Зиму и весну он отъедался и успокаивался, потом наступило лето. Прогулки были ему привычны и в радость, он не боялся открытого пространства и посторонних звуков. И конечно, больше всего он любил пастись. Он справлялся со своей нагрузкой, радовался выгулу, жил со всеми мирно.

Первое время он привыкал к круглому манежу, к галопу, от которого его, видимо, отучали когда-то. Он же был в детской спортивной школе – кому хотелось рисковать, что он понесет? Но где-то успокоили, где-то и заставили – стал бегать и галопом спокойно и мягко, с хорошей скоростью.

Осень его стала удручать. Во-первых, он приехал из Подмосквы под Питер, и климат отличается. А во-вторых, гулять и пастись перестали – откуда взяться хорошему настроению? Он совсем грустил, стал раздражаться. Бежать ему не хотелось, а на галопе – так вообще стал пытаться высаживать из седла. Особенно тех, кто не очень уверенно сидит и зажимает его поводом. Первое раздражало – за что такое недоверие? Он этим пользовался. А от повода ему становилось просто больно.

Независимо от нее самой, всаднице пришлось менять привычки. Отдавать повод, сильнее работать ногами, пользоваться хлыстом и держать корпус при этом. Этого хватало на рыси, но было непривычно и боязно, да и просто трудно. Однако, необходимо было снять напряжение.

Но галопом бежать ему упорно не хотелось. Он зажимался и вы-

дельвался. Всадница была напряжена из-за смены своих привычек, и это не надо было угадывать – фонило неуверенностью. И он держал оборону, то отказываясь бежать и птясь, то срываясь резко с места, подбрасывая задними копытами, пытаясь высадить из седла.

Всадница была растеряна, но не так слаба, как могло показаться даже ей самой. Она выживала на таких фортелях, что у зрителя дух захватывал. Хотя, конечно, Ангелу удалось сбросить ее пару раз, и припугнуть он ее тоже пытался. Лошадь очень большое и сильное животное, хотя и доброжелательное. Если она не захочет – никто на ней не усидит и не справится с ней.

Всадница все пыталась понять, как с ним договориться. А он развлекался, заодно вспоминая старые грехи. Пару раз его призывали к порядку профессиональные спортсмены. И это было неприятно – ведь получалось, что она не справилась, отношения не выстроились с лошастью, и пришлось прибегать к другому авторитету. Где-то нужно было дать ему свободы, а где-то и объяснить – самой – что его выходы не пройдут. И она этому училась с упорством. Постепенно уходила скованность, неуверенность, лишние движения, эмоциональность. Она становилась собранной, спокойной, уверенной, даже жестче как то, будто просыпались и шлифовались лидерские качества.

И они сами – Всадница и Ангел – и окружающие в какой-то момент поняли, что они перескочили, вышли за пределы тех возможностей, что считали, возможно, подсознательно, своим уровнем.

Им удалось взять психологический барьер, и вскоре они прыгнули через препятствие на манеже.

– Он под тобой великолепно ходит, – сказала тренер. Она тоже увидела то, незримое, что произошло у этих двоих.

И Ангел, получив некоторую свободу от повода, смирился с тем, что он ее не высадит, да и желание такое пропало. Общение выстроилось дружеское, доверительное и этого оказалось достаточно.

Напоминаем, что приобрести книги нашего издательства Вы можете:

- в нашем офисе: Skleněný můstek s.r.o., Horova 12, 219, Karlovy Vary
- в магазине «DINO»: I. P. Pavlova 36, Karlovy Vary

Заказать по почте: Vítězná 37/58, Karlovy Vary 360 01, Česká republika

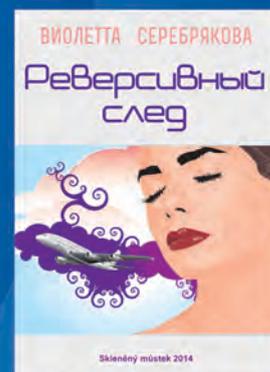
Приобрести наши книги в интернете можно на следующих ресурсах:

<http://eshop.czpress.cz/> <http://www.litres.ru> <http://svoy.ru/> <http://www.softsalad.ru>

<http://biblioclub.ru> <http://www.martinus.cz/> <http://www.martinus.sk/>

<http://knihy.abz.cz/>

ИЗДАТЕЛЬСТВО SKLENĚNÝ MŮSTEK

Ваша книга -
здесь и сейчас!

HOROVA 12, KANCELÁŘ Č. 220
360 01 KARLOVY VARY, ČR
KONTAKT@SKLENENYMUSTEK.CZ
+420 774 799 444
+420 353 223 292

ČESKÁ HVĚZDA
- četnost vydávání - měsíčník
- místo vydávání - Karlovy Vary
- evidenční číslo z MKČR: E 20834
Vydává Skleněný můstek s.r.o.
Vítězná 37/58, Karlovy Vary
PSČ 360 09 IČO: 29123062
DIČ: CZ29123062

Все права авторов охраняются законом об авторском праве. Копирование, публикация и другое использование произведений и их частей без согласия автора преследуется по закону.

